

A young woman with brown hair tied back, wearing a blue school jacket, white shirt, and red tie, looks over her shoulder towards the camera. The background is a library with bookshelves and a person working at a desk.

Ксения Петрова

Клан Черного дракона

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ксения Петрова

Клан Черного дракона

<https://litres.ru/73294568>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Эллис выпала совсем не простая судьба: в свои юные годы ей пришлось пережить столько испытаний, что хватило бы на несколько жизней. Но она упрямо цепляется за крупницы нормальности — изо всех сил старается вести себя как обычная старшеклассница. Всё меняется в тот роковой день, когда её по нелепой случайности запирают в одном кабинете с главным задирой школы. С этого момента жизнь Эллис превращается в вихрь опасных приключений: знакомство с теневым миром мафии, открытие тайного магического измерения и первая, головокружительная любовь, способная изменить всё.

Содержание

Пролог:	5
Глава 1	10
2 дня до происшествия	10
Глава 2	14
Неприятности в школе	14
Глава 3	19
Одни в классе	19
Глава 4	26
Страшные истории	26
Глава 5	31
Дэрек за 12 часов	31
Глава 6	37
Дэрек в настоящее время	37
Глава 7	41
Эллис	41
Глава 8	48
Эллис 13 лет назад	48
Глава 9	53
Эллис	53
Глава 10	62
Эллис	62
Глава 11	72
Эллис	72

Глава 12	82
Дэрек	82
Глава 13	86
Эллис	86
Глава 14	92
Эллис	92
Глава 15	97
Эллис	97
Глава 16	104
Эллис	104
Глава 17	123
Начало новой жизни	123
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Ксения Петрова

Клан Черного дракона

Пролог:

Я проснулась от дикой, почти невыносимой боли в голове. Я попыталась открыть глаза, но один глаз совсем отказывался это сделать — мешала чёртова запекшаяся кровь.

Я уже хотела протянуть руки к лицу, но тут до меня дошло: я привязана к стулу. Мои руки крепко и туго стянуты какой-то тонкой верёвкой, которая врезалась в кожу, вызывая адскую боль.

Голова просто раскалывалась. Я абсолютно не могла понять, где, чёрт возьми, я нахожусь!

Внезапно я уловила едва слышный шорох совсем рядом. Сердце дрогнуло, и я медленно подняла голову.

В паре метров от меня стоял мужчина. Время словно замерло, позволяя мне в деталях разглядеть его облик. Тёмные, чуть растрёпанные волосы падали на лоб, обрамляя лицо, которое будто высекли из камня: резкие, выразительные

скулы, прямой нос и пухлые губы.

Но больше всего притягивал его шрам — тонкий, едва заметный серебристый след, пересекающий левую бровь. Он не уродовал, а, напротив, придавал лицу загадочность, намекая на непростую историю, скрытую за этой внешней невозмутимостью.

На плече и предплечье извивалась татуировка — сложный узор, сплетённый из древних символов и завитков. Я не могла разглядеть детали, но от одного вида этих линий по спине пробежал холодок.

И всё же главным штрихом были его глаза. Чисто-голубые, словно кристаллический лёд в глубине арктического ледника, они сияли неземной красотой. В них читалась целая бездна — то ли затаённая боль, то ли непоколебимая сила. Его взгляд, пронзительный и одновременно тёплый, был устремлён прямо на меня, будто он видел не просто внешность, а самую суть — каждую скрытую мысль и эмоцию.

Я замерла, не в силах пошевелиться. В этот миг мир сузился до двух точек: его глаз и моего сбившегося дыхания. Что-то неуловимое витало между нами — словно невидимая нить, связывающая наши взгляды в безмолвном диалоге.

А после он произнёс:

— О-о-о, наша боевая малышка наконец-то проснулась,
— прозвучал тихий и хриплый голос мужчины.

— Где я? И кто ты такой? — попыталась я спросить у него без доли страха в голосе.

Хотя вышло у меня это скверно: мой голос звучал совсем по-другому — хриплым и мучительным. Меня мучила дикая жажда. Мои губы были пересохшими, а язык — шершавым и сухим, он отчаянно требовал воды.

И тут, будто услышав мои мысли, этот мужчина бросил:

— Кайл, принеси ей воды.

Тут я вдруг осознала, что в помещении находимся не только мы двое. Вокруг — ещё трое мужчин. Все как на подбор: строгие чёрные костюмы, белоснежные рубашки с идеально выглаженными воротниками. Каждый из них мог бы с лёгкостью сойти за модель — настолько безупречны были их черты и осанка. Если бы мне сейчас заявили, что я очутилась в элитном модельном агентстве, а голубоглазый красавец напротив — их главная звезда, я бы ни на секунду не усомнилась.

Но идиллию портили детали. Почти у каждого на лице виднелись свежие царапины — будто следы недавней схватки. А у одного из них нос явно был сломан: слегка искривлён, с подтёками крови у ноздрей.

Что-то в их облике казалось до боли знакомым... Но сосредоточиться не получалось — пульсирующая боль в голове размывала мысли, превращая попытки вспомнить в мутную, обрывочную мозаику образов.

Один из парней, взяв стакан с водой, направился в мою сторону. Зеленоглазый блондин возвысился передо мной — высокий, статный, с рельефной мускулатурой, от которой буквально веяло силой. Правильные черты лица, лёгкая небритость, придающая облику дерзкий шарм, и эти пронзительные зелёные глаза, в которых плясали загадочные огоньки. Одним словом — настоящий мачо.

Он медленно приблизился. В руке он держал стакан с водой, и каждый его шаг словно подчёркивал уверенность и властность. Не говоря ни слова, он протянул стакан ко мне — движение было плавным, почти ритуальным. Его взгляд не отрывался от меня, а в уголках рта затаилась едва уловимая полуулыбка. Но она не была доброй — она сочилась ядом. Ему я явно не нравилась!

В воздухе повисло незримое напряжение.

Но я, долго не думая, начала пить — да так жадно и с таким наслаждением! В этот момент мне казалось, что это самая вкусная вода на свете. Я полностью осушила стакан, не оставив ни капли. А после провела языком по своим пересохшим и потрескавшимся губам и повторила вопрос:

— Где я? И кто ты такой?

И тут за моей спиной раздался грубый и властный голос:

— Ты дома!

Глава 1

2 дня до происшествия

В очередной раз я просыпаюсь от «нежного» голоса матери, смотрю на часы — время всего-то пять часов утра.

— Мелкая тварь , от меня закрываешься, решила спрятаться ?Открывай живо , а то мало тебе не покажется!

Я встаю со своей кровати и подхожу к двери , открываю замок своей комнаты , как только я открываю дверь получаю «утренне приветствие » в виде пощечины.

—Ты , что решила , что самая умная , да ?— кричит« эта женщина » на меня . Мамой ,её уже назвать сложно, хотя, по сути , ей она никогда и не была . Она с Джоном удочерила меня , когда мне было 7 . Когда мне стукнуло 13 ,Джон её бросил ради молоденькой и красивой любовницы . После этого Мэри , превратилась в совершенно другого человека.

—Ты решила , спрятать от меня пиво ? Где оно я тебя спрашиваю ?— мысленно её проклинаяю и отправляю ко всем, мне известным Богам .Но все же ,спокойно и тихим тоном отвечаю , ведь я знаю , если я отвечу тоном , что ей не понравится, то могу получить больше , чем просто пощечина .

—Я не знаю , скорее всего , ты уже просто все выпила .

-Так сходи и найди мне еще !—требует она рассерженным голосом.

- Сейчас время только 5 часов утра , все магазины еще закрыты.— так же спокойно отвечаю я ей

- Уродка неблагодарная , от тебя нет никакой пользы , только живешь за мой счет !—нервно отвечает она , но все же разворачивается и уходит к себе в комнату .

Я же тихо выдыхаю и с облегчением закрываю дверь, легла на свою мягкую и просторную кровать , и закатив глаза, уставилась на потолок. В какой момент все покатилося к чертовой бездне ? Ведь раньше-то было все совершенно не так.

После того как меня забрали из детского дома, моя жизнь казалась настоящей сказкой. Словно по волшебству у меня появились самые дорогие люди — любимые мама и папа. Мы часто отправлялись в путешествия: колесили по разным странам, гуляли по шумным городам, дышали свежим воздухом у моря, взбирались в горы, бродили по таинственным лесам. Но самое главное — я наконец-то ощущала себя по-настоящему счастливой. Я чувствовала, что нужна этим людям, что меня искренне любят.

Мне казалось, что чёрная полоса навсегда осталась в прошлом. Жизнь наладилась, и теперь всё будет хорошо... Но, увы, даже самое прекрасное время рано или поздно заканчивается.

Четыре года назад мы всей семьёй готовились к Новому году. Этот день я помню так отчётливо, словно он был вчера.

Утро началось с чудесной прогулки по новогоднему городу. Улицы сверкали огнями, в воздухе витал запах горячего шоколада и мандаринов, а мы смеялись и делали десятки фотографий на фоне украшенных витрин. К вечеру мы вернулись домой, и я с мамой принялась накрывать праздничный стол. Папа в это время сообщил, что ему срочно нужно съездить на работу — забрать какие-то важные документы.

И вот — звонок в дверь. Я, переполненная радостью, бросилась открывать. В голове уже крутились мысли: «Папа вернулся! Наверное, принёс что-то интересное!» Но на пороге стояла совсем не папа. Передо мной возвышалась незнакомая женщина — высокая, худощавая, с холодной красотой, от которой почему-то становилось не по себе.

— Э-э-э, здравствуйте! — я попыталась улыбнуться, чувствуя, как внутри зарождается тревога. — А вы к кому?

Женщина медленно опустила взгляд на меня, а затем осмотрела с таким пренебрежением и отвращением, будто я была каким-то неприятным насекомым. Я на секунду замерла: «Может, я где-то испачкала платье?» — промелькнула паническая мысль. Но, быстро оглядев себя, поняла — с одеждой всё в порядке. Проблема явно была не во мне, а в этой незнакомке.

В этот момент из кухни вышла мама. Её лицо сразу стало напряжённым.

— Вы кто? — резко спросила она, подходя ко мне и осторожно отодвигая меня в сторону.

— Повторяю вопрос: вы кто? И что вам тут нужно?

Незнакомка усмехнулась, словно наслаждаясь моментом.

— Я, дорогая моя, любовница твоего мужа. И у нас будет ребёнок. — Она перевела взгляд на меня, будто специально желая усилить эффект. — Наш совместный ребёнок! А хочу я, чтобы ты дала разрешение на развод моему пупсику!

Дальше всё превратилось в кошмарный сон. Я помню только оглушительные крики, ругань, звон разбитой посуды. В квартиру вбежал папа. Мама, вся в слезах, бросилась на него с кулаками, крича что-то невнятное. А он, вместо того чтобы успокоить её, кричал в ответ:

— Ты бракованная! Так и не смогла родить мне моего ребёнка! Мне не нужны чужие выродки! Я хочу своё наследие!

Потом всё словно погрузилось в туман. В памяти остались лишь обрывки: мои безутешные слёзы, отчаянные рыдания мамы, папа, яростно собирающий свои вещи... Я подошла к маме, желая хоть как-то утешить её, но она, даже не повернув ко мне головы, со всей силы оттолкнула меня. Я ударилась об стену, а её ледяной голос пронзил насквозь:

— Это всё из-за тебя!

Я бросилась наверх, на второй этаж. Бежала так, словно за мной гналось само отчаяние. Захлопнув дверь своей комнаты, я забилась в самый дальний угол, обхватив колени руками. В голове билась единственная мысль, острая и безжалостная: «Теперь я опять никому не нужна...»

Глава 2

Неприятности в школе

Я снова просыпаюсь — уже от будильника. Видимо, пока я размышляла, всё-таки смогла заснуть.

Встаю и отправляюсь в ванную комнату, стараясь всё делать тихо — не хотелось бы разбудить Мэри. Ещё не хватало сейчас с ней разборок...

Умывшись, я подошла к зеркалу. В нём отразилась довольно привлекательная девушка: темно-русые волосы до пояса, тёплые карие глаза, пухлые губы и хрупкое, миниатюрное тело. На мгновение я залюбовалась собственным отражением, но тут же встряхнула головой — времени на самолюбование нет.

Быстро одеваюсь, собираю сумку и спускаюсь со второго этажа на кухню. Там открываю холодильник, на ходу оценивая его содержимое. Взгляд моментально выхватывает яблоко — идеально. Хватаю его и выбегаю на улицу. Главное — всё делать тихо и быстро.

Оказавшись на улице, я наконец спокойно выдыхаю. Утренний воздух бодрит, а первые лучи солнца ласково касаются кожи. Не спеша направляюсь в школу — дорога занимает около пятнадцати минут. Достая телефон и наушники

ки, включаю любимую музыку. Мелодия мгновенно создаёт нужное настроение, и я погружаюсь в свой маленький музыкальный мир. Пока я не слышу :

— Эл! Элли! Эллис!

Я оборачиваюсь и вижу свою подругу Кэтрин — кареглазую, кудрявую, с огненно-рыжими волосами. Она, как всегда, улыбается своей яркой, живой улыбкой, от которой на душе сразу становится теплее.

— О, привет! Ты сегодня не опоздала?! Должно быть, сегодня выпадет дождь из конфет! — восклицаю я, не сдерживая улыбки.

Подхожу и обнимаю Кэт. Она тут же отвечает на объятие — её объятия всегда такие искренние и тёплые.

— Да, сегодня же важная контрольная, — смеётся она.

Мы идём дальше, обмениваясь лёгкими шутками, и вскоре заходим в школу. Направляемся к расписанию, чтобы сверить планы на день.

Вдруг раздаётся резкий крик:

— Эй, отдайте! Что вы делаете?!

Я резко поворачиваю голову и вижу ужасающую картину.

В центре коридора — мальчик из параллели, всеми известный как зубрила Мэттью. Он отчаянно прыгает, пытаясь дотянуться до своей тетрадки. А держит её наш местный хулиган Дэрк — с издевательской ухмылкой на лице. Вокруг него, как всегда, его «Четверка дьявола», а рядом — его девушка Линет, с холодным, насмешливым взглядом.

— Давай полай, я, может быть, и отдам, — растягивает слова Дэрек, и по коридору разносится злорадный хохот его приспешников.

Никто не решается вмешаться. Все лишь перешёптываются, отводя глаза, будто происходящее — не более чем забавное представление.

И тут Линет делает шаг назад, достаёт бутылку воды и с хладнокровной точностью выливает её на Мэттью. Он вздрагивает, поворачивается, чтобы что-то сказать, но тут же падает на пол — кто-то из «четверки» ловко подставляет ему подножку. Не успевает он опомниться, как приходит ещё один удар — на этот раз ногой в живот — заставляет его скрючиться от боли. Он хрипит, пытаюсь вдохнуть, а вокруг лишь смех и издевательские комментарии.

Моё сердце сжимается. Я не могу просто стоять и смотреть. Я не выдерживаю. Подхожу к Дэреку и резко выхватываю тетрадь. Помогаю подняться мальчишке, отдаю ему тетрадь, затем снимаю с себя кофту и протягиваю ему.

— Уходи и переоденься, — тихо говорю я, глядя, как он, прижимая к груди одежду, стремительно убегает прочь.

Повернувшись, встречаюсь взглядом с хулиганом. В его глазах — удивление... и что-то ещё. Похотливый блеск? От этой мысли внутри всё сжимается.

— Ха, а ты что, в принца решила поиграть? — с едкой усмешкой бросает Линет.

— Я тут только для того, чтобы учиться и сдать эти чёр-

товы экзамены! И тебе советую сделать то же! — не сдерживаюсь, голос срывается на полу крик, но смотрю я упрямо ей в глаза .

— Ха , мне это не нужно, ведь у меня есть богатые родители , они уже договорились , что я буду учиться в лучшем институте. — Не как у тебя, сиротка! — её слова, холодные и отточенные, бьют точно в цель.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в кожу до боли. «Чёрт, откуда она это узнала?! Кто рассказал? Что ещё ей известно?» — мысли вихрем крутятся в голове, но я не успеваю их уловить. Внезапно раздаётся громкий, властный голос директора:

— Что тут происходит?! А ну живо все по классам, бегом! Линет медленно поворачивается ко мне. В её улыбке — ледяная угроза.

— Поздравляю, сиротка. Теперь нашей игрушкой для развлечения будешь ты, — шепчет она и, окружённая своими «подружками», неспешно направляется к классу.

В следующий момент ко мне подходит Дэрк. Его голос — тихий, почти ласковый, но от этого ещё более пугающий:

— Зря ты влезла, мышь. Лучше бы дальше сидела в своей норе.

Он уходит, а я остаюсь стоять, словно пригвождённая к месту.

— Что это было? — Кэт берёт меня под руку и мягко, но настойчиво ведёт к классу. — Зачем ты влезла? Поиздева-

лись бы они над ним, да и забыли бы. А теперь они будут издеваться над тобой! Все знают: нельзя им мешать, когда они выбрали себе жертву!

— Я знаю, что не надо было лезть, — отвечаю, чувствуя, как в горле встаёт горький ком.— Я не смогла просто пройти, понимаешь? Я так не могу. Если кто-то нуждается в помощи, я помогу!

Да, она действительно права. В нашей школе существует негласное правило: если «Четверка дьявола» что-то творит, ты ни в коем случае не должен им мешать. Иначе ты становишься их мишенью — игрушкой, над которой они будут издеваться, пока им это не надоест. И никто не смеет им помешать — даже учителя. Ведь их родители — главные спонсоры этой школы.

И сейчас я, сама того не желая, поставила на себе огромный, жирный крест.

Глава 3

Одни в классе

На удивление, уроки прошли быстро и спокойно. Линет хоть и поглядывала на меня с какой-то странной искоринкой в глазах, но, к счастью, ничего не произошло. «Может, всё-таки меня пронесло?! — мысленно усмехнулась я. — Хах, было бы неплохо...»

Сейчас прозвенел последний звонок. В голове уже рисовались чёткие планы: быстрее собрать вещи, успеть забежать в столовую, перехватить что-нибудь съестное, а после — прямиком на занятия по самообороне. Но моим радужным замыслам, увы, не суждено было сбыться.

— Так, кто сегодня дежурит по расписанию? — раздался строгий голос нашей классной руководительницы, Генриетты Альбертовны.

— Элла! — почему-то выкрикнула Линет, бросив на меня короткий, многозначительный взгляд.

Спорить я не стала — и вправду, сегодня была моя очередь, о чём я, разумеется, благополучно забыла.

— Что ж, Элла, дождись, когда все выйдут, и приступай к уборке всего класса. И заодно приберись в нашей подсобной комнате! — скомандовала Генриетта Альбертовна, глядя на

меня с нескрываемой требовательностью.

Я молча кивнула, принимая неизбежное, и повернулась к своей подруге Кэт:

— Ты сегодня останешься, поможешь мне? — с надеждой в голосе спросила я.

— Нет, извини, — покачала она головой. — У меня же сегодня дополнительные занятия по русскому. Ты забыла? Сегодня понедельник!

— Точно, извини, совсем забыла! Что-то я сегодня совсем не собранная — всё забываю, — вздохнула я.

— Да ты не только сегодня такая рассеянная, — с тёплой улыбкой заметила Кэт.

— Что правда, то правда...

— Ладно, ты извини, но я действительно опаздываю, поэтому я побежала! — Она подошла ко мне, крепко обняла, схватила свои вещи и выбежала из класса.

А я осталась. Дожидаясь, когда все выйдут, я опустилась на стул и устремила взгляд в окно. Начало осени — время, когда природа словно замирает в хрупком равновесии. Листья лишь начали робко желтеть, но погода сегодня выдалась хмурой и прохладной. На небе сгущались тяжёлые тёмные тучи, а ветер, пока ещё несильный, уже поднимал вихри опавшей листвы.

«М-да... А я даже зонтик не взяла с собой. И как потом идти?» — с досадой подумала я.

Пока я предавалась размышлениям, не заметила, как

класс опустел.

«Ну что ж, работа не ждёт. Чем быстрее начну, тем быстрее закончу», — мысленно подбодрила я себя.

Направившись в подсобное помещение за ведром и тряпками, я невольно задумалась о том, сколько всего тут хранится. Это место напоминало настоящий склад: здесь можно было найти всё — от специальных инструментов для уроков до колб, разнообразных порошков и даже забытых учениками вещей. Просторная подсобка словно хранила в себе маленькие тайны школьной жизни.

Быстро отыскав нужное, я сходила за водой и вернулась в класс.

— Так, с чего бы начать? — озвучила я свой вопрос вслух, оглядывая кабинет.

После недолгого раздумья решила начать с мытья окон. Достав наушники, я включила любимую музыку, взяла тряпку и, напевая, принялась за дело.

— Давай, танцуем, танцуем, цуем, цуем... — весело подпевала я, стоя на подоконнике и покачивая бёдрами в такт музыке.

Но вдруг кто-то крепко взял меня за талию сзади. Я вскрикнула, резко повернула голову и увидела перед собой...

Зелёные глаза, словно два изумруда, сияющие в полумраке. Пухлые губы, тронутые лёгкой усмешкой. Тёмные, короткие волосы. Выразительные скулы и широкая, неотразимая

улыбка.

— Дэрек? Ты что тут делаешь? И вообще, что ты делаешь? Отпусти меня! — воскликнула я.

— Я решил не проходить мимо такого . . . э-ммм . . . концерта— ухмыльнулся он, окидывая меня оценивающим взглядом снизу вверх. Чёрт! Я же в юбке! И, как назло, сегодня выбрала самую короткую из всего гардероба. А теперь она и вовсе задралась ещё выше!

Резким движением я одернула её вниз и попыталась спуститься с подоконника. Но Дэрек ловко подхватил меня и усадил на парту.

— Ты что творишь?! — вскрикнула я, чувствуя, как внутри всё замирает.

В голове крутилась лишь одна мысль: «Что это сейчас было?!»

— Тише, не надо так кричать. Я просто помог тебе спуститься,— спокойно произнёс он.

Щёки мгновенно вспыхнули румянцем. Собрав всю свою волю в кулак, я посмотрела на него с притворной строгостью— Ты что тут забыл? Уроки давно закончились! Если ты искал свою девушку, то она давно уже ушла! А теперь выйди из кабинета и не мешай мне делать уборку!

— Ух, какие мы серьёзные! А может, я пришёл тебе помочь? — с игривой интонацией ответил он.

— Ха, мне помочь? С чего бы? Всё, посмеялись — и хватит. Теперь иди, откуда пришёл. Нечего нормальных людей

тут пугать!

Да что с ним такое? Почему он ко мне пристал? Пусть уже уходит — и я быстро закончу свои дела, пойду домой.

Но он не спешит уходить. Его глаза — зелёные, яркие, словно лес в солнечный день — неотрывно следят за мной. Запах геля с нотками мяты и шоколада обволакивает, заставляя непроизвольно сглотнуть. Я не могу отвести взгляд.

Между нами повисает тишина. Мы просто смотрим друг другу в глаза. Он так близко — стоит лишь руку поднять, и я смогу коснуться его щеки...

«Стоп, стоп, стоп! Это что, мои мысли? И о ком?! О Дэреке?! Нет, этому точно не бывать!»

Я резко встаю с парты. Он будто пробуждается от глубокого сна — отшатывается, отстраняется. Взгляд становится холодным, почти ледяным.

— Ты, мышь невзрачная, — произносит он с презрением. — Скажу тебе сразу, ты не в моём вкусе! В тебе же нет ничего примечательного: ни объема, ни изгибов, а грудь — как у первоклассницы. Выглядит... по-детски. Сегодня хотела привлечь моё внимание? Думала, покажешься хорошей и благородной и меня сразу заинтересуешь? Только это со мной не сработало и не сработает. Говорю сразу: если не хочешь проблем — сиди и не высовывайся. Оставайся в своей норе и не лезь ко мне. Если, конечно, хочешь спокойно дожить до выпускного!

Его слова бьют, словно хлыст. Я застываю, оглушённая

резкой сменой настроения. На мгновение теряю дар речи.

Но уже через секунду собираю волю в кулак. Медленно поднимаю подбородок, встречаю его взгляд с вызовом.

— Мальчик, — начинаю я, тщательно подбирая слова. — Я понимаю, у тебя повышенное самомнение и раздутое эго. Только не все женщины в этом мире мечтают и дрожат при виде тебя. Ты мне нафиг не сдался. Даже если бы меня спросили, кого я бы выбрала — Фредди Крюгера или тебя, — поверь, я бы не выбрала тебя.

Он смотрит на меня... со злостью, гневом — и... удивлением?

«Ха! Мальчик не привык, что может быть неинтересен. Какое для него открытие дня! Так ему и надо», — мысленно усмехаюсь я.

Подхожу к двери, резко оборачиваюсь:

— А теперь вали отсюда. Это вообще не твой кабинет!

Дергаю за ручку — не открывается. Ещё раз — тот же результат. В недоумении смотрю на него.

— Это ты закрыл?

— Тц, ущербная. Даже дверь нормально открыть не может, — фыркает он, подходит и со всей силы дёргает ручку. Но дверь по-прежнему не поддаётся.

— Какого фига?! — взрывается он, снова и снова дёргая дверь.

— Это ты закрыл? — повторяю я.

Встречаю его ледяной, полный злости взгляд — и сама

нахожу ответ. Нет, не он. Тогда кто?!

И тут в памяти всплывает фраза, которую я слышала, пока смотрела в окно: «Пусть сегодня она поспит в школе».

— Чёрт, чёрт... — шепчу я. — Я не хочу наговаривать, но знаю, кто нас закрыл. Точнее, меня... Это Лилит. Только вот... что ты тут делаешь?

Он шумно выдыхает, проводит рукой по шелковистым волосам.

— Случайно... Я изначально искал учителя...

Мы замираем в молчании. Что теперь делать?

«Стоп. Телефон! Надо кому-то позвонить!»

Подбегаю к своему смартфону — экран чёрный. Разрядился.

Медленно, с последней надеждой, поворачиваюсь к нему:

— Телефон с собой?

Он молча качает головой:

— Нет. Все вещи в раздевалке.

Глава 4

Страшные истории

За окном внезапно разразился яростный ливень. Крупные капли с глухим стуком бились в стекло, размывая очертания деревьев и фонарей. Мы сидели в разных концах класса: он — за учительским столом, вальяжно развалившись в кресле, я — на самой последней парте, словно пытаюсь слиться с тенью.

Уборку я давно забросила. При нём я ни за что не стану драить полы и вытирать пыль. Вместо этого достала учебник по истории и погрузилась в домашнее задание. Чем занят он? Мне совершенно неинтересно. Я даже не бросаю взгляд в его сторону.

Так мы провели, наверное, часа два — а может, и больше. За окном окончательно стемнело. Теперь уже невозможно было понять: то ли это завывания ветра, то ли ночная тишина окутала школу. Охранник так и не заглянул в кабинеты — за дверью не раздавалось ни звука. Казалось, мы действительно остались одни в этом огромном здании.

Панические мысли одна за другой всплывали в сознании, но я решительно встряхнула головой. «Нельзя поддаваться страху!» — мысленно приказала себе. Нужно мыслить пози-

тивно. Кто-нибудь обязательно пройдёт мимо кабинета. Тогда мы закричим, позовём на помощь — и нас выпустят.

Но прошёл ещё час. Никто не появился.

— Эй, мышка, чем ты там всё занимаешься? — его голос заставил меня вздрогнуть. В какой-то момент я совершенно забыла о его присутствии.

Я молчу. Отвечать на его вопросы сейчас — последнее, чего мне хочется.

Но, похоже, такой расклад его не устраивает. Он поднимается, неспешно подходит к моей парте, хватая тетрадь и начинает читать вслух последние строки, которые я записала:

У— «Что повлияло на ход волны? А войны!» Ну и почерк у тебя! Как каракули — как это вообще можно читать? — в его голосе сквозит полу сарказм, полу насмешка.

— А тебе-то какая разница? Не тебе же проверять! — нервно вырывается у меня.

Внутри всё кипит. Меня злит буквально всё: что я вынуждена находиться с ним наедине, что нас заперли, что я ужасно голодная, что он бесцеремонно лезет в мои записи... И этот проклятый дождь, барабанивший по окнам, словно насмехается над моим состоянием! Я на грани срыва, а он ещё решил меня допекать?

Резко вскакиваю, выхватываю тетрадь из его рук и, стиснув зубы, рычу:

— Я тебе не мышка! Ты лучше ко мне не лезь, а то руку по локоть отгрызу — и не замечу!

Он вдруг раздражается громким хохотом. Я застываю в недоумении, не понимая, что тут смешного.

И в этот момент... свет гаснет.

— А-а-а! — от неожиданности я вскрикиваю, инстинктивно вжимаясь в парту.

— Твою ж налево... Похоже, всё, мышка. Сегодня спим тут! — раздаётся его раздосадованный голос в темноте.

— Как тут?! А как мы тут спать-то будем?! — в панике спрашиваю я, ощущая, как холодок пробегает по спине.

— Пошли посмотрим, что интересного есть в кладовой, — бросает он, разворачивается и уверенно шагает в сторону подсобки.

Я мечусь в сомнениях долю секунды — оставаться одной в этой гнетущей темноте страшнее, чем идти за ним. Стиснув кулаки, торопливо следую за его силуэтом, едва различимым в сумраке. «Только бы не споткнуться...» — мысленно молюсь я, нащупывая путь.

Когда мы заходим в кладовку, вокруг — кромешная тьма. Свет вырубил по всей школе, так что разглядеть что-либо совершенно невозможно.

— Я, когда убиралась, видела тут на второй полке подушку и плед, — говорю я, всматриваясь в черноту. — Правда, не понимаю, что они вообще забыли в школе...

— А ты что, не знаешь? — его голос звучит откуда-то сбоку, чуть насмешливо.

— Не-ет, — тихо, неуверенно отвечаю я.

— Года два назад тут работал учитель Лорин. Так вот, он развелся с женой, а та забрала у него всё до последнего гвоздя. В итоге он остался буквально в одних трусах. Ему некуда было идти, так что он... жил в этой кладовой. Если поискать, тут можно найти и чайник, и даже плиту.

— А где сейчас этот учитель? — спрашиваю я, и в груди зарождается нехорошее предчувствие.

— Так умер.

— Как умер?! Где?! Тут?! — я в ужасе озираюсь, будто в темноте могу разглядеть призрака. Взгляд невольно упирается в силуэт парня, который, кажется, едва сдерживает смех.

— Эй, это не смешно! — вскипаю я, сжимаю кулак и легонько стучаю его в грудь.

Но под ладонью — твёрдая, словно каменный монолит, мускулатура. Я резко отдёргиваю руку, но он успевает схватить её и медленно, намеренно возвращает на свою грудь.

— Чувствуешь? — шепчет он так тихо, что звук почти растворяется в воздухе, но от близости его голоса по спине пробегает ледяной озноб.

— Что?.. — выдыхаю я. Да, я чувствую тепло его кожи, слышу, как гулко бьётся сердце под моей ладонью. Но неужели он спрашивает именно об этом?

— Он внутри меня... Он вселился в моё тело... Бу! — внезапно выкрикивает он, и я, вздрогнув, отпрыгиваю, вырывая руку.

— Ты совсем больной?! — срывается с губ, а в голове уже мечутся мысли: «Ну и придурок!»

И тут — о чудо! — мои глаза наконец выхватывают из мрака очертания пледа и подушки. Хватаю их, словно спасательный круг, и вылетаю из каморки, на ходу бормоча все ругательства, которые только могу вспомнить.

Глава 5

Дэрэк за 12 часов

Я просыпаюсь от резкого, настойчивого звука будильника. 5:30 — время, от которого моя жизнь отсчитывает каждый новый день. У меня есть чёткое расписание, которому я следую, кажется, всю свою жизнь. Ни отклонений, ни поблажек.

Сначала — пара заплывов в бассейне. Вода, прохладная и упругая, обнимает тело, смывая остатки сна. Затем — бег. Ритмичные удары подошв о дорожку, учащённое дыхание, пульс, набирающий темп. После — работа с гантелями: мышцы горят, но я не сбавляю нагрузки. Завершаю ритуал душем — прохладные струи окончательно приводят в чувство.

Надеваю строгую, безупречно выглаженную форму и спускаюсь на кухню. Отец уже сидит за столом, погружённый в чтение газеты. В воздухе витает аромат свежесваренного кофе. Я достаю апельсиновый сок, ставлю стакан на стол и сажусь. Перед мной — тарелка с кашей, украшенной свежими фруктами. Наша домработница, как всегда, безупречна: каша не холодная и не обжигающе горячая — идеальная температура.

Отец не поднимает взгляда, будто не замечает моего при-

сутствия. «Пусть лучше так, чем начнёт разговор», — мысленно вздыхаю я. Но едва успеваю подумать об этом, как слышу его ровный, лишённый малейшей доли интереса голос:

— Что с учёбой?

— Всё хорошо, — так же безучастно отвечаю я.

— Должно быть не хорошо, а лучше всех! Ты не просто мальчишка — ты наследник! — произносит отец всё тем же ровным, лишённым эмоций тоном.

— Хорошо, отец.

Он откладывает газету. Это плохой знак. Очень плохой.

— Мне тут передали, что ты со своими друзьями вытворяете чёрт-те что в школе!

«Упс... Об этом ему точно не стоило знать», — пронесется в голове.

— Я закрываю глаза на твоё поведение — но лишь до тех пор, пока ты лучший в школе. Если перейдёшь все границы, перекрою все твои связи с этими друзьями, и ты отправишься учиться за границу. Ты это понял?

— Эти друзья — дети твоих коллег. Не просто так мы с детства вместе, — пытаюсь возразить я, но тут же осекаюсь.

— Но я тебя услышал. Такого не повторится.

— Хорошо. Сегодня я уезжаю в Лондон. Вернусь только на следующей неделе. Как приеду — начну обучать тебя нашей сфере. Так что готовься. Надеюсь, я не допускаю сейчас ошибку. На этом всё!

— Я понял, отец. Спасибо за доверие. Я тебя не подведу!

Я встаю из-за стола и направляюсь к выходу. На улице уже ждёт машина с личным водителем.

— Здравствуйте, молодой господин, — приветствует он, когда я сажусь в салон.

— Здравствуй, Зиг, — киваю в ответ и тут же открываю чат в телефоне — «Четвёрка дьявола».

Это прозвище приклеилось к нам ещё в детском саду, когда мы — Магнус, Алекс, Томас и я — были неразлучной четвёркой. Мы вечно что-то выдумывали, устраивали переполох, но всегда стояли друг за друга горой. Никто никогда не выдавал товарища, даже под угрозой наказания. Мы были как черти — неугомонные, дерзкие, но верные.

Вот нас и прозвали так — «Четвёрка дьявола». Нам даже нравилось это имя, настолько, что мы так и называли нашу общую группу.

Я пишу в чат:— Я буду через 20 минут.

Почти сразу приходит ответ от Магнуса:— Ок, буду ждать тебя на входе. Я узнал, кто предоставляет информацию. Уже проверил пацана — есть что рассказать.

Алекс подключается:— Опа, я тоже скоро буду. У меня даже есть предложение — про кого ты...

Магнус перебивает:— Поверь, ты не знаешь. Никто бы даже не подумал на него.

Мне становится любопытно:— Да ну? Уже интересно!

Магнус тянет паузу, а потом выдаёт:— Я сам в шоке был.

Ладно, не буду томить: это Метью, наш зубрила.

Я не верю своим глазам:— Чего, блин?! Ты в этом уверен?
Он же такой... эм, зубрила!

Магнус уверенно отвечает:— Да. Я взломал его комп.

— Вот чёрт! И что там? — спрашиваю я, чувствуя, как внутри нарастает напряжение.

— Порнуха, — коротко бросает Магнус.

— И? — не унимаюсь я.

— И последние переписки с адресами и временем, — добавляет он.

Мысленно прокручиваю услышанное.— Надо с ним хорошенько поговорить. Но для начала сделаем из него «игрушку», — решаю я.

Алекс вдруг вспоминает:— А Томас у нас опять проспал?

Я пожимаю плечами (пусть и виртуально):— Походу. Позвони ему.

Убираю телефон в карман. «Кто бы мог подумать на Метью? Я лично с него кожу спущу!» — кипячусь внутри.

...

Мы взялись за это дело около трёх месяцев назад. Кто-то начал распространять наркотики по школе. Мы решили найти источник — и как следует «научить уму-разуму».

Но всё оказалось куда сложнее, чем мы думали.

Мы находили «получателей», но дальше след обрывался. Никаких связей, никаких зацепок — словно действовали совершенно разные люди, не оставляющие следов.

«Получатели» рассказывали одно и то же:

Сначала они заявляли в клубе о желании «попробовать что-то новое».

Потом получали сообщение: «Хочешь испытать новые чувства?»

После их ответа через несколько дней (а иногда и недель) приходило новое сообщение — с местом и временем.

Место всегда находилось неподалёку от «получателя», словно за ними следили. Но самое невероятное — нужная сумма уже была списана со счёта!

«Это вообще невообразимо!» — не раз ловили мы себя на мысли.

И вот эта дрянь появилась в нашей школе. В нашей школе!

Мы не могли этого допустить. Но и рассказать взрослым — тоже. Почему?

Потому что мой отец не станет разбираться. Он просто заберёт мои документы и отправит за границу. А я этого не хочу.

Во-первых, мы с ребятами всегда были вместе — и я не собираюсь это менять. Во-вторых, нужно найти этих козлов и закончить дело.

Пусть нам приходится:

допрашивать этих оболтусов — не только словами;

играть роль отбитых парней, чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов и подозрений;

оказываться в опасных ситуациях...

...мы всё равно продолжаем.

И мы закончим это дело до конца!

Глава 6

Дэрек в настоящее время

И что я сейчас творю? Задаю вопрос в темноту...

Девчонка выбежала из каморки уже минут пять назад, а я всё ещё стою тут — и не могу пошевелиться.

Когда я сегодня увидел её в первый раз... Она так смело вышла и защитила этого подонка — того, кто явно этого не заслуживает! Я не мог оторвать от неё взгляда. Эти её карие глаза, в глубине которых вдруг промелькнул оранжевый проблиск... Они так ярко блестели — в них читались и злоба, и невероятная храбрость! Эти глаза... Ох, они так прекрасны!

Я даже не слышал, что говорила эта маленькая. Её пухленькие губки что-то шептали, но я лишь мечтал впиться в них поцелуем прямо там...

Но нельзя!

Ведь я играю роль отбитого злодея — и должен продолжать эту игру. Мы проделали уже столько работы...

Нет, я не против, что она помогла этому кретину. По правде говоря, я и сам не люблю жестокость. Но сейчас это необходимо — просто жизненно важно. Сколько людей уже пострадало из-за этого «бедного мальчика»... Нельзя медлить. А эта мелочь — она помешала всем нашим планам!

И мы объявили её новой «игрушкой». Чтобы она боялась. Чтобы все боялись. Чтобы больше никто не посмел влезть в наши дела!

Но потом... Я пошёл искать учителя и вдруг услышал этот бархатный голосок. А затем увидел её: она стояла на подоконнике. Эти длинные, сногшибательные ножки... Она двигала бёдрами так плавно, так завораживающе красиво... М-м-м...

Я не смог просто пройти мимо. Нет! Лишь глухой и слепой смогли бы не заметить такого зрелища. Но, к моему великому сожалению, я видел и слышал всё. Моё тело двигалось само по себе — словно в тот момент в меня вселился какой-то неведомый дух. И я подошёл — и протянул руки к этой манящей талии.

А теперь вовсе стою тут, не могу отдышаться, не в силах прийти в себя после того мгновения, когда она ударила меня своим маленьким кулачком. Но это мимолетное движение отозвалось во мне электрическим током — и я захотел ещё, ощутить её прикосновение. Поддавшись порыву, я схватил её за руку и притянул к своей груди.

Её маленькие, тоненькие пальчики подрагивали, чувствуя ритм моего сердца. А оно стучало так бешено, так мощно, что я слышал его гул в собственных ушах.

Она так близко! А этот её запах... Аромат вишни сводил меня с ума, окутывал, пьянил. Я уже готов был накинуться на неё, словно зверь, но в последний момент выдал из себя

ту дурацкую шутку. И вот теперь стою тут — как последний придурок.

Глубоко выдыхаю через нос, стараюсь взять себя в руки, привести дыхание в норму. Затем твёрдо напоминаю себе: эта девчонка должна меня бояться! Иначе в следующий раз она может всё испортить. Поэтому нужно напомнить малышке её место! С этими мыслями и выхожу из каморки.

Но каково же моё удивление, когда я вижу...

За окном — неистовый ливень, разрывающий тишину раскатами грома. Внезапная вспышка молнии на мгновение освящает класс — пустой, безжизненный. Девчонки нигде нет!

Снова наступает тьма. Свет исчезает, гром затихает — и в этой внезапной тишине отчётливо раздаются всхлипы. Это плач — дикий, почти истеричный, рвущий душу на части.

Не успеваю даже подумать — тело само движется на звук. И вот я вижу: под одной из парт сидит малышка. Она закрыла уши руками, зажмурила глаза, а по её щекам безостановочно текут слёзы. Вся она дрожит, словно осиновый лист на ветру.

Ни секунды не раздумывая, я хватаю её в объятия. Обнимаю крепко-крепко, укрываю своими руками, своим телом — словно пытаюсь заслонить от всего этого жестокого мира.

Замечаю рядом плед. Бережно укутываю её, словно куклу, — так, что виднеется лишь кончик носа. Поднимаю на руки, прихватываю подушку и направляюсь обратно в ка-

морку. Там тихо. Там не слышно этого проклятого грома. И теперь уже совершенно не важно , что я думал буквально минуту назад.

Глава 7

Эллис

Я вылетаю из подсобки, в голове вихрь мыслей: «Какой же он придурок! Нет, ну вот серьёзно, ненавижу его!»

И тут — звук молнии. Такой громкий, устрашающий, что сердце замирает на долю секунды. Перед глазами мгновенно всплывает тот самый день...

Я в страхе забиваюсь под парту, закрываю уши руками и крепко зажмуриваюсь. В голове проносятся сцены из той тёмной, ужасающей ночи — они будто оживают заново. Меня трясёт — не знаю, от чего больше: от леденящего страха или от тяжести воспоминаний, которые давят на грудь, словно каменная плита.

Снова — ослепительная белая вспышка, а следом — оглушительный грохот, будто кто-то ударил гигантским молотом по небесному своду. Звук протяжный, вибрирующий, он проникает в каждую клеточку тела. Я вздрагиваю всем существом, и слёзы начинают литься непрерывным потоком. Реальность размывается, сливается с кошмаром — я уже не понимаю, где настоящее, а где прошлое.

Слышу, как кто-то подбегает ко мне, зовёт по имени — так нежно, так успокаивающе. Тёплые руки гладят по спине,

лицу, осторожно перебирают волосы. Но слёзы всё льются и льются, я не могу открыть глаза, чтобы увидеть своего спасителя. Отчаянно хватаюсь за него, когда он подхватывает меня на руки и куда-то несёт.

Я словно тону в одиноком, холодном, бушующем океане отчаяния. Волны страха накрывают с головой, но вдруг появляется моё единственное спасение — то, за что я сейчас ни за что не отпущу.

Моё спасение. Он тихо и аккуратно гладит меня по волосам, шепчет едва слышно:

— Элли, я тут, я с тобой. Всё хорошо, я рядом, мышка. Тише, тише...

Его пальцы снова скользят по волосам, потом по спине — так бережно, так осторожно, будто он боится, что от одного лишнего движения я рассыплюсь на тысячи осколков.

— Мышка, ну же, теперь всё хорошо, я с тобой, тише, — повторяет он, и его голос, мягкий и родной, постепенно проникает в сознание, растапливая ледяной комок страха.

Постепенно слёзы прекращаются. Я перестаю вспоминать тот день, осознаю, что больше не слышу раскатов грома. Понимаю: я здесь, в безопасности — с... Дэроком? И я сижу у него на коленях?

Осторожно отстраняюсь от его крепких объятий и оглядываюсь. Мы сидим в каморке на одном стуле — я на его коленях, лицом к нему. Моё лицо вспыхивает от смущения: он видел мою истерику, он успокаивал меня, и мы провели

всё это время в таком положении?!

Вздрагиваю и замираю, перестав дышать, когда он осторожно вытирает слёзы с моих щёк.

— Успокоилась, мышка? — спрашивает он спокойным, ласковым голосом, от которого по коже бегут мурашки.

— Д-д-даа, — выдыхаю я, всё ещё поражённая тем, как быстро мир вокруг изменился.

А он вдруг крепко обнимает меня, зарывается лицом в мои волосы и глубоко вздыхает. Потом снова начинает гладить по спине — медленно, успокаивающе.

«Что здесь происходит?» — мелькает мысль. От всей этой ситуации я словно окаменела — не могу пошевелиться, не то что выдать из себя хоть слово.

Но постепенно меня захватывает другое чувство — тёплое, трепетное. Чувство, что я сейчас нужна, что я в безопасности. Я ощущаю его обжигающие прикосновения, его дыхание у виска, его близость — такую волнующую, такую долгожданную... И вдруг осознаю, что страх ушёл, а на его место пришло что-то новое, неизведанное.

Не раздумывая больше, я обнимаю его в ответ — крепко, искренне, отдавая всю ту благодарность и теплоту, что накопились в душе.

Он вздрагивает, но продолжает меня обнимать, а после слегка отстраняется. Но прежде чем я успеваю ощутить тоску и отчаяние от потери его прикосновений, он берёт моё лицо в свои большие тёплые руки и пристально смотрит в

глаза — так глубоко, будто пытается прочесть все мои тайны. А после тихо произносит:

— Я тебя сейчас поцелую, но этот поцелуй не будет означать для нас ничего серьёзного. Ты согласна?

В голове всё переворачивается, мысли путаются — я больше не способна мыслить разумно. Единственное, что я отчётливо понимаю, — я жажду его обжигающих и ласковых прикосновений. Они такие опаляющие, такие волнующие, что без колебаний отвечаю:

— Да.

Он приближает свои губы к моим — сначала неуверенно, почти робко, словно без слов спрашивая: «Уверена?»

Но когда я отвечаю на поцелуй, всё меняется. Он становится страстным и глубоким, но одновременно невероятно нежным. Его губы исследуют мои, слегка покусывают, а затем снова дарят ласку. Он проникает в мой рот, касается моего языка — и всё это повторяется снова и снова. Мы целуемся так жадно, будто от этого зависит наша жизнь. А когда воздух заканчивается и мы, задыхаясь, отстраняемся друг от друга, он прижимается своим лбом к моему, глубоко вздыхает и крепко обнимает.

— Мышка, нужно ложиться спать, уже поздно. Посиди тут немного, — говорит он и аккуратно усаживает меня на стул.

Сам же принимается сооружать что-то вроде лежанки на полу: находит матрас, расправляет плед и укладывает ту са-

мую подушку, которую мы нашли раньше. Затем берёт меня на руки — легко, будто я невесомая кукла, — и бережно кладёт на импровизированную постель. Поправляет плед, которым я укутана, и ложится рядом, обнимая меня.

Я всё это время просто наблюдаю за происходящим в полном шоке, не в силах вымолвить ни слова. Поворачиваю голову в его сторону и внимательно смотрю на него. Он лежит с закрытыми глазами, с таким спокойным и безмятежным выражением лица, словно ничего необычного не произошло и не происходит прямо сейчас!

Внутри меня закипает возмущение. «Что это такое? — мечутся мысли. — Сначала без спроса утаскивает меня в подсобку, словно дракон своё сокровище, потом обнимает, потом целует... А теперь ещё и спать вместе предлагает?!»

Нет, мне, конечно, поцелуй понравился. Даже очень. Но это вовсе не значит, что мы должны спать вместе! Он же сам сказал, что поцелуй ничего серьёзного не означает!

— Спи! — бросает он командным тоном.

— Ха, а ты ничего не попутал? — не выдерживаю я. — Сам сказал, что поцелуй ничего серьёзного не будет значить, а теперь предлагаешь мне спать с тобой вместе? И вообще, руки свои убери! Чего это ты их распустил? И, кстати, как мне помнится, у тебя есть девушка! А ты со мной по подсобкам целуешься и руки распускаешь!

Он глубоко вздыхает, открывает глаза и смотрит на меня суровым взглядом. Но руки не убирает — наоборот, обнима-

ет ещё крепче и притягивает меня ближе к себе, так что его голова ложится на мою макушку. Затем низким, чуть хриплым голосом произносит:

— У меня нет девушки. То, что она сама себе придумала и этот бред всем говорит, — это её проблемы. Наши семьи дружат очень давно, и из-за этого мы с Ли знакомы с самого детства. В детстве мы часто играли вместе. Как-то наши мамы пошутили, что, возможно, когда мы вырастем, мы с ней поженимся и благодаря нам наши семьи соединятся. А Линет восприняла эту шутку всерьёз и всё это время бегала за мной. Но это всё детские забавы, которые сейчас уже ничего не значат.

— Но ты же перед поцелуем сказал, что он ничего серьёзного для нас не будет значить?

— Да, мне сейчас не нужны отношения. Я тебя поцеловал, чтобы успокоить, и обещаю, что больше тебя не трону. Поэтому можешь спать спокойно.

— Э-м-м... Но ты сейчас меня обнимаешь и спишь со мной вместе!

— Мне спать больше негде. Это единственный матрас и подушка. И, более того, если ты будешь спать одна, то замёрзнешь и простынешь. А так — тепло от тела.

— Ладно, — неохотно соглашаюсь я. В глубине души я понимаю всю абсурдность ситуации и нелепость этих аргументов, но мне совсем не хочется, чтобы он перестал меня обнимать или оставил одну. Пусть только сейчас, только се-

годня я побуду этой доверчивой дурочкой. Да, только сегодня...

— Мышка, а расскажи мне, почему ты боишься грозы? — неожиданно спрашивает он.

Я замираю от неожиданности — не уверена, что готова делиться этой тайной. Но потом, осознавая, сколько он сегодня для меня сделал, решаю, что могу доверить ему эту историю. Я глубоко вздыхаю и начинаю говорить, голос звучит тихо, почти не слышно ...

Глава 8

Эллис 13 лет назад

Это произошло, когда мне было четыре года. Я тогда попала в приют. Сама я не помню ничего: ни своих родителей, ни что произошло, ни как я оказалась здесь. Единственное, что мне известно, — из собственных документов. В примечании сухо, без намёка на сочувствие, написано: «В приют пришла сама, без документов и без личных вещей».

Вот так. А когда я подросла, одна из работниц приюта, тётя Марта, рассказала мне кое-что ещё. Она говорила это шёпотом, оглядываясь по сторонам, будто боялась, что стены могут услышать:

— Когда ты появилась у нас на пороге, вся твоя одежда была в саже и крови. Ты не разговаривала — просто стояла и смотрела в пустоту, словно душа покинула твоё тело. Вызвали полицию, но те ничего не смогли найти: ни откуда ты, ни чья эта кровь, ни кто твои родители. Вообще ничего!

Так я осталась жить здесь. Только вот это место оказалось хуже ада.

Нас толком не кормили. Еду давали раз в день: какой-то водянистый суп с плавающими капустными листьями или разваренную кашу, иногда — мутный компот. Очень редко

— пару гниловатых яблок или сушёных груш, да ещё ломоть чёрствого хлеба. Мы помогали работникам приюта независимо от возраста — все без исключения работали: мыли холодные каменные полы, протирали пыль с ветхих шкафов, штопали старую одежду, превращая её в лоскутное безобразие. Те, кто постарше, помогали на кухне или трудились в запущенном саду, где росли кривые яблони и чахлый крыжовник.

А тех, кто отлынивал или не слушался, жестоко наказывали: били розгами до кровавых полос на спине, закрывали одних в тёмной чулане, лишали еды на сутки, нагружали ещё большим объёмом работы.

И вот, когда мне исполнилось шесть, в один злополучный день меня кто-то запер в туалете. Душная, тесная каморка с затхлым запахом сырости. Из-за этого я опоздала на обед. Естественно, мне никто не дал еды — и я ходила весь день голодная. Желудок сводило от голода, во рту пересохло, голова кружилась, а есть хотелось ужасно, до слёз.

Вдруг ко мне подошла Аннабель — добрая и отзывчивая девочка с веснушками на носу и косичками, заплетёнными розовыми ленточками. Она всегда делилась последним кусочком сахара и умела рассмешить даже в самый хмурый день. Она протянула мне три куса хлеба и тихо, заговорщицки, сказала, что спрятала их специально для меня. Её глаза светились добротой, и я поверила ей, поблагодарила и взяла хлеб.

Но едва я успела съесть один кусочек, как в комнату вбежала наша управляющая. Её лицо исказила ярость, голос прозвучал резко и холодно, как удар хлыста:

— Кто из вас посмел воровать?!

Она окинула взглядом комнату и тут же заметила меня — с кусками хлеба в руках. Оказалось, Аннабель вместе с несколькими ребятами пробралась на кухню и съели половину припасов: что-то надкусили, что-то просто испортили. А вину решили свалить на меня!

Я отчаянно пыталась объяснить, что не виновата, умоляла поверить мне, показывала на Аннабель, но никто не слушал. Вдобавок они подкинули хлеб ещё одному мальчику — тихому, хрупкому парнишке с большими испуганными глазами, который и слова против сказать не мог. Его звали Кристофер, ему было всего четыре года — почти как мне, когда я сюда попала.

Нас высекли розгами. Били сильно, безжалостно — ни крики, ни плач, ни мольбы о пощаде не остановили их. Плеть свистела в воздухе, оставляя жгучие полосы на коже. Больше всего досталось Кристоферу: это было его второе наказание за неделю. После порки нас заперли одних в комнате на целых три дня — без еды, без воды, в полной тишине, нарушаемой лишь нашими всхлипами и тихими стонами боли.

Первый день мы просто лежали на холодном каменном полу, почти не двигаясь, стараясь сохранить последние крохи тепла. На второй я начала шевелиться, пыталась собрать-

ся с силами, но Кристофер всё так же лежал, тихо кряхтя от боли. Когда я подошла к нему и осторожно дотронулась до плеча, то поняла: у него сильный жар. Лоб пылал, дыхание было прерывистым, он бормотал что-то несвязное, глаза были закрыты, а щёки покраснелись.

Я подняла крик, звала на помощь, стучала в дверь кулаками до синяков, била ногами в тяжёлое дерево, но никто не приходил.

На третий день начался сильный дождь. За окном бушевала гроза, сверкали ослепительные молнии, а оглушительные раскаты грома сотрясали стены, заставляя нас вздрагивать. Кристофер всё не приходил в себя — бредил, метался, его тело горело, словно в огне. Я без устали звала на помощь, выкрикивала его имя, молила, чтобы кто-нибудь пришёл, чтобы нам помогли.

Однажды к двери кто-то подошёл. Грубый голос прорычал, словно рычание зверя:

— Если ты не заткнёшь свой рот, я высеку тебя ещё раз и оставлю здесь ещё на три дня!

Но я не прекратила. Сквозь слёзы, сквозь боль и отчаяние, задыхаясь от рыданий, я кричала:

— Помогите, пожалуйста! Он же умирает! Пожалуйста, помогите! Ну пожалуйста! Я вас умоляю!

Дверь всё же открыли. Но вместо ожидаемой помощи я получила резкий удар по лицу — голова мотнулась в сторону, во рту появился металлический привкус крови. Когда я

упала на пол, кто-то пнул меня ногой в живот. Затем дверь снова захлопнулась, и всё стихло.

Со всей своей болью, с последней каплей сил я подползла к мальчику и обняла его, прижимая к себе так крепко, как когда-то, наверное, обнимала меня мама. Под раскаты грома и шум проливного дождя, заглушающего мои тихие всхлипы, я уснула, прижимая к себе Кристофера — малыша с тонкими ручками и бледным личиком.

Когда я проснулась, Кристофер уже не дышал... Его маленькое тело остыло, глаза были открыты, но смотрели в никуда.

Ещё один день я провела в одной комнате с ним. Мир вокруг потерял краски, время остановилось, а внутри образовалась пустота — холодная, бездонная пропасть. В конце концов я упала в обморок и очнулась уже в лазарете. Белые стены, резкий запах лекарств, чужие лица... Но я всё ещё чувствовала тяжесть маленького тела в своих объятиях и слышала отдалённый раскат грома, который с тех пор навсегда стал для меня символом боли и утраты.

Глава 9

Эллис

Я просыпаюсь от дикого холода. Оглядываюсь по сторонам и сначала не понимаю, где нахожусь. Но постепенно воспоминания накатывают волной: закрытие кабинета, раскаты грома за окном, тот самый поцелуй... Я отчётливо вспоминаю, как рассказывала свою историю, утопая в тёплых объятиях, — а потом, видимо, незаметно для себя уснула.

Дэрока уже нет на месте. Я встаю с импровизированной кровати и аккуратно убираю всё на место. Затем выхожу в кабинет — там пусто. На часах 6 утра. Беру свои вещи и направляюсь к двери: как я и предполагала, она уже открыта. По правилам, наш охранник по приходу на смену всегда открывает все кабинеты, в которых сегодня будут проходить уроки.

Выхожу в светлый коридор. Утреннее солнце пробивается через высокие окна и заливает помещение мягким золотистым светом. В школе пока тихо — ещё нет шумных учеников, не слышны их весёлые голоса и топот ног. Воспользовавшись этой редкой минутой уединения, я решаю отправиться домой: переодеться, плотно позавтракать и собрать нужные учебники на день.

Наша школа — настоящее старинное здание: его возвели ещё 200 лет назад. Несмотря на новейший ремонт, здесь по-прежнему витает дух прошлого — словно ты идёшь не по школьному коридору, а по переходам древнего замка.

В школе шесть этажей, два из которых расположены под землей.

На первом этаже всегда царит особая атмосфера: здесь сосредоточены самые оживлённые места школы. Просторный холл с высокими сводчатыми потолками встречает учеников с утра — в нём по традиции ставят большую вазу с яблоками, которые могут взять все желающие. Рядом, у массивной дубовой лестницы с витиеватыми перилами, висит старинное зеркало в резной раме. Говорят, ему больше ста лет, и оно когда-то принадлежало основателю школы.

Вдоль коридора тянутся витражные окна — утром солнечные лучи преломляются в их разноцветных стёклах, бросая на пол причудливые узоры: алые, сапфировые, изумрудные пятна медленно перемещаются вслед за солнцем. У окон расставлены старинные дубовые скамьи с мягкой обивкой — на них ученики любят сидеть во время перемен, листать учебники или просто болтать с друзьями.

Справа от главного входа находится кабинет директора — массивная дверь из тёмного дуба с латунной табличкой. Над ней висит портрет того самого основателя школы в строгом сюртуке и пенсне — кажется, его взгляд следит за каждым, кто проходит мимо. Рядом — доска почёта с фотографиями

лучших учеников разных лет и стенгазета, которую обновляют каждую неделю.

Слева — просторный актовый зал с высокими потолками и старинной лепниной. Его двери обычно приоткрыты, и иногда оттуда доносятся звуки фортепиано: это кто-то из старшеклассников репетирует перед концертом. В глубине зала — сцена с тяжёлым бордовым занавесом, который, по легенде, когда-то висел в столичном театре, пока его не подарили школе в знак уважения.

Второй этаж — царство гуманитарных наук. Здесь всё дышит историей и искусством. На стенах висят портреты классиков литературы в золочёных рамах, а вдоль коридоров расставлены витрины с экспонатами, собранными учениками на археологических выездах: старинные монеты, фрагменты керамики, пожелтевшие письма.

В кабинете литературы стоит настоящий антикварный книжный шкаф, где хранятся первые издания русских классиков. Говорят, если открыть томик Пушкина на случайной странице в полночь полнолуния, можно услышать, как он читает свои стихи шёпотом. Ученики, конечно, пытались — но никто не решился остаться в школе после закрытия.

Рядом — кабинет иностранных языков с картами мира на стенах и флагами разных стран. В кабинете истории — огромная настенная карта с флажками, отмечающими места важных сражений. А в кабинете искусства — мольберты, скульптуры и стенд с работами лучших учеников, которые

ежегодно участвуют в городских выставках.

Третий этаж—отведён под точные науки. Здесь всё строже и функциональнее, но не менее интересно:

- * кабинет математики с огромной меловой доской во всю стену и коллекцией головоломок;

- * физический кабинет, где на полках стоят старинные приборы — вольтов столб, катушка Теслы, маятник Фуко;

- * компьютерный класс с новейшими машинами, контрастирующими с винтажным интерьером здания;

- * просторный кабинет географии с глобусами разных размеров и коллекцией минералов.

На лестничной площадке между вторым и третьим этажами стоит старинный телескоп на треноге — подарок выпускника-астронома. По особым случаям учителя выносят его на крышу для ночных наблюдений.

Четвёртый этаж— творческое пространство школы. Здесь расположены:

- * музыкальная школа с отдельными звукоизолированными классами;

- * хореографический зал с зеркалами во всю стену и станками;

- * театральная студия с небольшой сценой и костюмерной, полной удивительных нарядов;

- * фотостудия с тёмной комнатой для проявки.

По вечерам здесь всегда шумно: доносятся звуки фортепиано, гитарные аккорды, голоса репетирующих актёров, а

из танцевального зала — ритмичные удары метронома.

Пятый этаж— административный и спортивный:

- * кабинеты завучей и методистов;

- * учительская с огромным самоваром (традиция — пить чай всем коллективом раз в неделю);

- * медицинский кабинет с антикварным шкафом для лекарств;

- * спортивный зал с высокими потолками и баскетбольными кольцами, установленными ещё при открытии школы;

- * тренажёрный зал и раздевалки.

Над спортзалом — балкон с деревянными перилами, откуда учителя наблюдают за уроками физкультуры. На перилах уже много лет красуется надпись, выцарапанная

Шестой этаж— самый загадочный и малопосещаемый:

- * библиотека с дубовыми стеллажами до потолка и винтовой лестницей-стремлянкой;

- * читальный зал с тяжёлыми бархатными шторами и настольными лампами с зелёными абажурами;

- * архив с папками всех выпусков школы

- * небольшая обсерватория с куполом, который открывается по особым случаям.

Здесь всегда тихо и пахнет старой бумагой и деревом. Библиотекарь, профессор в отставке с седой бородой, знает историю каждой книги и может рассказать, какой известный учёный или писатель когда-то учился в этой школе.

А над всем этим, на крыше, есть небольшая площадка с

кованой оградой. Ученики старших классов тайком пробираются сюда в тёплые дни, чтобы полюбоваться городом с высоты. Отсюда видно, как старинные кирпичные трубы соседствуют с современными стеклянными небоскрёбами, и понимаешь: эта школа — мост между прошлым и будущим.

Но больше всего меня всегда манили подземные этажи. Минус первый, где кипит научная жизнь, встречает стерильной чистотой и приглушённым светом. За толстыми стеклянными дверями лабораторий видны силуэты учеников в белых халатах: они колдуют над пробирками, настраивают микроскопы, что-то обсуждают с преподавателями. Оттуда порой доносится лёгкий запах реактивов и тихое гудение приборов.

А вот минус второй... О нём ходят самые невероятные слухи. Кто-то шепчется, что там спрятана старинная библиотека с запретными книгами. Другие уверены: это тайная лаборатория, где проводят эксперименты вне школьной программы. Третьи и вовсе говорят, будто этаж законсервирован из-за какой-то давней трагедии. Я много раз пыталась расспросить учителей, но в ответ получала лишь уклончивые улыбки и фразы вроде «Это не для любопытных глаз» или «Когда-нибудь узнаешь».

Сейчас, шагая по пустынному утреннему коридору, я невольно бросаю взгляд на неприметную дверь рядом с подсобкой — именно за ней скрывается лестница вниз, к запретным этажам. В голове снова всплывают все эти истории, и

по спине пробегает лёгкая дрожь. Но звонок на первый урок уже скоро, и мне пора домой — день обещает быть насыщенным.

Я выхожу из здания и глубоко вдыхаю утренний свежий воздух — он бодрит, наполняет лёгкие прохладной чистой, словно смывая остатки сна. Пока иду домой, в голове крутятся тревожные вопросы: почему Дэрек не разбудил меня? Заметила ли Мэри, что я не ночевала сегодня дома? И как теперь вести себя с Дэрekom?

Когда я захожу в дом, ответ на второй вопрос находится сам собой. Нет, Мэри не стала волноваться из-за моего отсутствия. Она, как обычно, заказала себе новый алкоголь — им забита половина холодильника, — и теперь спит у себя в комнате. Что ж, хорошо хоть еду она тоже заказала заранее. Осталось подождать ещё пару недель — и она снова войдёт в своё рабочее состояние.

Благодаря ежемесячной помощи Джона, который исправно отправляет деньги Мэри, у нас всегда есть средства к существованию. По документам я всё ещё считаюсь его дочерью, в добавок выплаты от государства... Да и Мэри хорошо зарабатывает, когда проходит этот очередной кризис в её жизни. Она талантливая писательница, и издательство щедро платит за её «шедевры». Только вот всех этих денег я не вижу, если она мне что-то и даст то это очень редко.

Но каждые полгода она срывается. Неделями сидит дома, не выходя на улицу, и пьёт. Джон об этом не знает — да во-

общее никто не знает. Ни она, ни я никому не рассказывали. Мэри боится осуждения, а я... Я боюсь, что меня заберут обратно в приют. Не уверена, что Джон захочет забрать меня к себе — в свою новую семью.

Я достаю из холодильника колбасу и сыр, делаю себе бутерброд и завариваю чай. После быстро принимаю душ, надеваю обтягивающие штаны, рубашку, а сверху — жакет с эмблемой школы. За это время успеваю зарядить телефон. Бросаю взгляд на часы — на первый урок я уже опаздываю. «Что ж, приду ко второму, — решаю я. — Один раз пропустить можно!» С этими мыслями закидываю нужные учебники в сумку и выхожу в коридор.

Там я встречаю Мэри.

Её короткие чёрные волосы рассыпались по плечам, под глазами — тёмные круги, выдающие бессонные ночи и тяжёлые дни. Тонкое, почти безжизненное тело, бледная кожа, словно лишённая красок. На ней грязная футболка и кое-как надетые штаны. Она смотрит на меня расфокусированным взглядом, а потом резко подходит вплотную. Хватает за волосы и с силой притягивает к себе.

Я шиплю от боли, но не делаю никаких попыток вырваться — просто стою смиренно, согнувшись рядом с ней.

— Не смотри на меня! — рычит она.

— Не смотри на меня своими глазами! — повторяет она и тянет ещё сильнее, почти прижимая меня к полу. Я сгибаюсь ещё ниже, словно кланяюсь перед ней.

А потом она со всей силы бьёт мою голову о стену.

Я скулю, но молчу — нельзя её злить.

— Всё, что со мной произошло, — это из-за тебя и твоей матери! — кричит она, снова ударяет меня о стену и резко уходит.

В голове эхом отдаются её слова: «Из-за тебя и твоей матери?» В каком смысле? Она ведь не знает, кто была моя мама... Никто не знает! Но потом я прихожу к мысли, что у неё просто горячка — она сама не понимает, что говорит.

Я возвращаюсь в свою комнату, закрываю дверь, потом открываю окно. Цепляюсь за карниз, на мгновение замираю, а затем прыгаю на мешки с соломой — я заранее подготовила их для таких случаев под своим окном.

Отряхиваюсь, выпрямляюсь и, будто ничего не случилось, направляюсь в школу .

Глава 10

Эллис

Быстро добравшись до школы, я решила перепроверить расписание. Утренний воздух ещё хранил лёгкую прохладу, а в груди трепетало предвкушение обычного учебного дня. По плану должна была быть история, но, когда я подошла ближе к стенду, увидела изменения: вторым уроком у нас — совместно с параллельным классом — будет физическая подготовка.

Я глубоко выдохнула, пытаясь унять внезапное волнение, и направилась в раздевалку. Там переоделась в шорты и чёрную кофту, надела новые кроссовки, которые приятно облегли ноги. Взяв телефон, чтобы проверить время, открыла чат с Кейт. Её сообщение мигало на экране: «Где ты? Почему не на первом уроке?» Я быстро напечатала ответ: «Опоздала, жду тебя в раздевалке».

Как только я отправила сообщение, дверь раздевалки с грохотом распахнулась — вошли девочки из параллели: Злата и Верона Их смех и оживлённые голоса заполнили небольшое помещение.

— О, привет! А мы сегодня с вами? — с улыбкой спросила Злата. Я с ними иногда общалась — девочки были хорошими

и, на удивление, добрыми, без тени высокомерия.

— Привет, — выдохнула я, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

Злата подошла и крепко обняла меня, а за ней и Верона. Их тепло и искренность словно зарядили меня новой энергией.

— А ты почему одна? — поинтересовалась Верона, слегка наклонив голову.

— Да я на первый урок опоздала, вот и решила сразу пойти на второй, — объяснила я, пожав плечами.

— Понятно, — кивнула она, и в её глазах мелькнуло понимание.

В этот момент в раздевалку зашли и наши девочки. Первой появилась Кейт — её рыжие волосы ярко вспыхнули в свете ламп. Она тут же бросилась меня обнимать, и на моём лице непроизвольно расцвела улыбка — широкая, искренняя, от которой теплело на душе.

Но она тут же погасла, когда я увидела свою «любимую» одноклассницу. Линет вошла, как всегда, с высоко поднятой головой, её взгляд скользнул по мне с привычной насмешкой.

— О, смотрите, кто это тут! А что, наша отличница прогуливает уроки? А как же так? Больше не хочешь учиться? Или уже нашла, у кого отсосать за бабки? — едко бросила она, и её подружки захихикали за спиной.

Внутри всё закипело — мне так и хотелось подойти и дать

ей по её смазливому личику. Но Кейт опередила меня.

— Судя по тому, как ты бегаешь за Дэроком, это ты себе нашла, эм, спонсора, а нашей девочке это не нужно, — гордо заявила она, встав рядом со мной. Её голос звучал твёрдо, уверенно, и я почувствовала, как комок в горле растворяется.

Я невольно вспомнила поцелуй с Дэроком и его слова о том, что Линет ему не девушка. В тот момент он казался таким искренним...

Линет вспыхнула ярким румянцем, губы её дрогнули, но больше она не стала препираться. Резко развернувшись, она отошла с подружками в дальний угол раздевалки, бросая на нас злые взгляды.

Я благодарно улыбнулась Кейт и тихо сказала:

— Спасибо. Буду ждать тебя в зале.

Выйдя из раздевалки, я неожиданно столкнулась с Дэроком. Он стоял в коридоре, высокий и невозмутимый, и что-то в его позе заставило меня замереть. Я уже хотела поприветствовать его и спросить, почему он ушёл и не разбудил меня, но наткнулась на его холодный, отстранённый взгляд. В нём не было и следа той теплоты, что была раньше.

А затем он произнёс, чеканя каждое слово:

— Такому мусору, как ты, лучше даже не попадаться мне на глаза.

С этими словами он с силой оттолкнул меня и направился в спортзал, не оборачиваясь. Я осталась стоять, будто при-

росшая к полу. Мир вокруг словно замер, а в ушах зазвучали его недавние слова: «Это ничего не значит».

«Что это сейчас было? „Мусор“? А когда обнимал и целовал — я не была мусором?» — пронеслось в голове. Я горько усмехнулась. Он ведь сам говорил, что это ничего не значит, сам просил не придавать этому значения. Но неужели нельзя было хотя бы общаться нормально? По-человечески?

«Ну хорошо! Я тебе покажу!» — мысленно пообещала я, сжимая кулаки.

Глубоко вдохнув, я расправила плечи и с гордым видом направилась в спортзал. Помещение оказалось большим и светлым, солнечные лучи пробивались сквозь высокие окна, рисуя на полу золотистые квадраты. В воздухе витал запах свежего дерева от пола и едва уловимый аромат пота — мальчишки из нашего и параллельного классов уже бегали по полю, смеясь и перекрикиваясь.

Наш класс насчитывал 25 человек: 10 девочек и 15 мальчиков. Сейчас двое девочек были на больничном, а ещё трое уехали на соревнования по фехтованию. Помимо меня, в раздевалке находились Кейт, Линет с подругами — Натали и Сали.

В параллельном классе было всего 6 девочек и 18 мальчиков, причём четверо девочек тоже отсутствовали — участвовали в тех же соревнованиях, что и наши спортсменки.

Когда прозвенел звонок, все 41 ученик выстроились в шеренгу и стали ждать учителя. Я встала в самый конец — я

была самой невысокой из всех, но сейчас это не имело значения. Внутри меня кипела злость

Я встала в самый конец — я была самой невысокой из всех, но сейчас это не имело значения. Внутри меня кипела решимость доказать — себе и ему — что я чего-то стою.

Учитель физкультуры, Михаил Сергеевич, вошёл в зал с привычной энергичной походкой. Его седые волосы торчали в разные стороны, а на лице играла добродушная улыбка, которая, впрочем, мгновенно сменялась строгостью, если кто-то начинал лениться.

— Так, ребята, построились ровнее! — громко произнёс он, хлопая в ладоши.— Сегодня у нас смешанная тренировка: сначала разминка, затем эстафеты, а после — мини-турнир по баскетболу. Команды будем формировать смешанные, чтобы было интереснее.

По залу прокатился гул: кто-то обрадовался, кто-то недовольно заворчал. Я заметила, как Линет что-то шепнула своим подругам и бросила на меня насмешливый взгляд. Кейт, стоявшая неподалёку, незаметно подмигнула мне, словно говоря: «Не обращай внимания».

Разминка прошла быстро: прыжки, приседания, наклоны, бег на месте. Я старалась выкладываться на полную — не столько ради оценки, сколько чтобы выплеснуть накопившуюся злость и обиду. Каждое движение помогало прогнать из головы слова Дэрока, но образ его холодного взгляда всё равно всплывал перед глазами.

Когда перешли к эстафетам, Михаил Сергеевич начал формировать команды.

— Так, в первой команде: Злата, Денис, Сали, Артём... — он методично называл имена, пока не дошла очередь до меня. — И... — он на секунду задумался, пробегая взглядом по шеренге, — ...и Кейт .

Я подняла глаза и увидела, что в мою команду попал... Дэрэк. Он стоял в паре метров от меня, скрестив руки на груди, и смотрел куда-то в сторону. Его лицо оставалось бесстрастным.

«Отлично, просто отлично», — пронеслось у меня в голове. Но я лишь крепче сжала кулаки и расправила плечи.

Эстафета началась. Мы передавали эстафетную палочку, прыгали через скакалку, оббегали конусы. Я бежала так быстро, как только могла, стараясь не думать о том, что скоро мне придётся передать палочку Дэроку.

И вот этот момент настал. Я подбежала к нему, протянула палочку и встретила с его взглядом. На долю секунды в его глазах мелькнуло что-то — удивление? Вина? — но он тут же моргнул и его взгляд поменялся на холодный . Он выхватывает палочку и со всей силы меня толкает , так что я приземляюсь попой на пол .

И смотрю на него , а он цедит мне грубым и холодным тоном :

— Я тебе говорил держаться подальше от меня !

А потом разворачивается и убегает.

Команда выиграла эстафету, но радости это не принесло. Когда мы вернулись на исходную позицию, Магнус бросил коротко:

— Ты неплохо бегаешь.

Это было сказано так тихо, что, кажется, услышала только я. Я хотела ответить, но от неожиданности слова застряли в горле — и вместо этого я просто кивнула и отвела взгляд.

Дальше был баскетбол. Михаил Сергеевич разделил нас на две команды, и на этот раз я оказалась в одной команде с Кейт, Златой и Вероной, а Дэрк — в противоположной, вместе с Линет и его друзьями из «Четвёрки дьявола».

Игра только началась, когда Линет не удержалась и бросила язвительный комментарий в мою сторону — на этот раз по поводу моей фигуры:

— Элли, прыгай поменьше, а то твои две подушки безопасности вылетят и прибьют ещё кого-нибудь.

Её слова повисли в воздухе, вызвав смешки у нескольких ребят поблизости. Но Кейт, стоявшая рядом, мгновенно отреагировала — она фыркнула и, скрестив руки на груди, бросила в ответ:

— Завидуешь, что ли? Лучше следи за игрой, а не за чужими сиськами.

Я глубоко вдохнула, сосредоточилась и сделала пас Злате. Та ловко обошла соперника и забросила мяч в корзину.

— Да! — воскликнула Верона, хлопнув меня по плечу. — Отличная работа!

Я улыбнулась. Впервые за день я почувствовала, что действительно в своей команде. Что меня поддерживают.

Игра шла напряжённо, но наша команда вырвалась вперёд. Когда прозвучал финальный свисток, Михаил Сергеевич объявил:

— Победа за первой командой! Молодцы, отлично сработались. Особенно отмечу слаженность и взаимовыручку.

Все начали расходиться, обсуждая игру и обмениваясь шутками. В этот момент ко мне подошёл парень из «Четвёрки дьявола» — Магнус. Он был высоким, с пронзительным взглядом и небрежно растрёпанными светлыми волосами. Его репутация крутого и немного загадочного парня шла впереди него, и я невольно напряглась, когда он схватил меня за рукав.

— Извини, я могу с тобой поговорить наедине после уроков? — тихо, но уверенно произнёс он.

Я растерялась так сильно, что на мгновение потеряла дар речи. В голове крутилось множество вопросов: зачем я ему? Что он хочет сказать? Почему именно сейчас? Сердце забилось чаще, ладони слегка вспотели.

Несколько секунд я просто смотрела на него, пытаясь собраться с мыслями. Потом, словно в трансе, сначала кивнула, а затем, справившись с волнением, произнесла вслух:

— Хорошо.

Магнус довольно улыбнулся — его улыбка была тёплой и искренней, совсем не похожей на ту маску безразличия,

которую он обычно демонстрировал окружающим. Он отпустил мой рукав, коротко кивнул и направился к выходу, легко встроившись в поток учеников.

Я проводила его взглядом и вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Обернувшись, я встретила холодным, почти ледяным взглядом Дэрока. В его глазах читалось что-то странное — смесь недовольства, раздражения и пренебрежения. И тут он одними губами мне говорит: МУСОР! А потом тут же отвернулся и зашагал прочь, будто ему было всё равно.

В этот момент меня резко дёрнула за руку Кейт.

— Эй, всё хорошо? — встревоженно спросила она, внимательно вглядываясь в моё лицо. — Ты какая-то бледная. Пошли в столовую, я есть хочу ужасно — сейчас умру от голода!

Её голос, звонкий и жизнерадостный, мгновенно вернул меня в реальность. Я глубоко вдохнула, пытаясь унять волнение, и улыбнулась подруге.

— Да, конечно, идём, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Мы направились в сторону раздевалки, и по дороге Кейт без умолку рассказывала о том, какие пирожные сегодня обещают в столовой. Но я едва ли слышала её слова — мысли снова и снова возвращались к Магнусу и его неожиданной просьбе, а перед глазами стоял холодный взгляд Дэрока, который никак не хотел стираться из памяти и его слова, а

ТОЧНЕЕ СЛОВО ...

Глава 11

Эллис

Когда я зашла в раздевалку, то сразу схватила полотенце и решительно направилась к душам. В воздухе витал свежий запах мыла и влажной плитки, а из открытых душевых доносился мерный шум воды. У нас было шесть кабинок — и сейчас, к счастью, пара из них пустовала.

Я встала под прохладные струйки и закрыла глаза, позволяя воде смыть напряжение прошедшего дня. Мысли вихрем крутились в голове, пока я размышляла над всем, что происходило в последнее время. Когда я наконец пришла к выводу, что пора перестать тратить силы на пустяки и сосредоточиться на учёбе, внезапная острая боль пронзила запястье.

Вздрагнув, я опустила взгляд. На коже виднелась едва заметная красная царапина — тонкая, будто проведённая острым когтем. Она обвила запястье дважды, словно зловещий браслет.

«Хм, странно... Вроде нигде не царапалась», — мелькнуло в голове. Но я тут же отмахнулась от тревожных мыслей. Наверное, зацепилась во время эстафеты и просто не заметила.

Закончив с душем, я быстро вытерлась и переоделась, затем уселась на лавку и стала ждать девочек. Они неторопли-

во передевались, оживлённо обсуждая нашу игру, то и дело перебивая друг друга восторженными восклицаниями.

Вдруг их разговор прервал елеинный голос нашей «любимой» Линет:

— А я всё-таки смотрю, была права, да, Эл? — её голос сочился ядом. — Только вот ты зря думаешь, что заинтересовала Магнуса. Он всего лишь использует тебя на одну ночь и выбросит — на большее ты не годишься. Ему интересны совсем другие девушки, другого уровня, я бы сказала.

Её слова повисли в воздухе, как ядовитый туман. Сали и Натали тут же подхватили:

— Да, совсем другие, не то что ты, сирота! — бросила Сали с презрительной усмешкой.

В раздевалке повисла гнетущая тишина. Я почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло.

Девочки уже хотели вступить за меня, но я мягко отодвинула их в сторону и шагнула к Линет. Шаг, ещё шаг — ближе, ближе... Мне надоело. Надоело терпеть эти унижения! Надоело, что меня считают тряпкой, мусором, сироткой, которая не может дать отпор, — той, кого можно обидеть и забыть.

Я подошла так близко, что она невольно отпрянула, прижавшись спиной к холодному шкафчику. Мои руки резко опустились по обе стороны от её головы, отрезая пути к отступлению.

Наши взгляды встретились. Хоть Линет и была выше ме-

ня, сейчас я смотрела на неё сверху вниз — своим новым, убийственным взглядом. Тем самым, который прятала не один год. Той сущностью, что спала во мне очень давно — я сама загнала её в глубины души. Но сейчас она проснулась... И она была голодна. Голодна до справедливости.

Линет дёрнулась, пытаясь отстраниться, но я резко схватила её за подбородок — не сильно, лишь слегка зацепив кожу ногтями, — и повернула её лицо к себе. Наклонившись к самому уху, я прошипела, так тихо, что только она могла слышать:

— Если сейчас дёрнешься, я поцарапаю твоё красивое личико — и, возможно, на нём останутся шрамы. Так что не рыпайся и слушай меня внимательно.

Мой голос звучал непривычно холодно и твёрдо.

— Я без понятия, откуда ты узнала, что я из детского дома, но мне на это совершенно плевать. В этом нет ничего такого: сейчас у меня есть родители, и, поверь, у них денег не меньше, чем у твоих. Так что своими родителями передо мной не надо хвастаться.

— Дальше. Хвастаешься своим женихом? Только вот он совершенно другого мнения о тебе. Цитирую: «У меня нет девушки. Линет — всего лишь подруга детства, которая заигралась в свадьбу, а мне на её игры нет дела». Так что сначала обсуди свои планы с ним, прежде чем всем горланить о вашей любви!

— А моя личная жизнь — вот точно не твоего ума дело!

Если ещё раз откроешь свой рот в мою сторону, я тебя ударю — и поверь, это будет больно! Если ты меня не трогаешь, не трогаю и я тебя. Ты поняла?

Я слегка усилила хватку, и Линет, бледная как полотно, слабо кивнула.

Отпустив её, я отступила на шаг и окинула взглядом помещение. В глазах Линет читались испуг, удивление и растерянность. Её так называемые подружки застыли в оцепенении, с выпученными глазами. Впрочем, такой же шок был не только у них — все присутствующие замерли, словно время остановилось.

Я растянула губы в улыбке — той самой, на которую была сейчас способна: холодной, но победной. Затем спокойно села обратно на лавочку и обратилась к Кейт:

— Тебе ещё долго?

Она словно очнулась от транса и поспешно ответила:

— Нет, ещё пять минут.

Я кивнула и достала телефон, нарочито спокойно листая экран, хотя внутри всё ещё кипело.

Постепенно остальные тоже пришли в себя и занялись своими делами, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Линет, нервно теребя край футболки, быстро переоделась. Уже на выходе она бросила своим «подчинённым» ледяным тоном:

— Возьмите мои вещи с собой!

И вылетела из помещения, словно за ней гнались. Сали и

Натали, схватив её сумку, поспешили следом.

Как только дверь за ними захлопнулась, девочки набросились на меня с вопросами:

— Что ты сказала?!

— Как ты смогла и не испугалась?

— Что это было?

— Почему она так испугалась?

Я лишь рассмеялась — коротко, но искренне — и небрежно пожала плечами:

— Сказала, что расскажу всё её маме, а она поставит её на горох. Вот и испугалась, — пошутила я, стараясь разрядить обстановку.

Все дружно рассмеялись, напряжение понемногу спадало. И тут мой взгляд упал на забытую запасную юбку Линет, сиротливо лежащую на полу.

В голове тут же вспыхнула сумасшедшая идея — дерзкая, опасная, но такая заманчивая. Идея мести.

Повернувшись к Злате и Веронике, я понизила голос:

— А как вы относитесь к «Четвёрке дьявола»? А если точнее — к их капитану Дэроку?

Они переглянулись и хором ответили, в их глазах вспыхнул мрачный огонь:

— Мы его ненавидим!

— Хорошо. А к Линет?

— Тоже! — твёрдо ответили они. Верона, сжав кулаки, продолжила:

— Два года назад они объявили нас со Златой «игрушками» и издевались над нами, как только могли: подставляли перед учителями, травили. Другие ученики им помогали — выкидывали наши учебники и вещи в мусорный бак. Кто-то подставил наши лица к фотографиям, где девушки голые, и раскидал листовки по всей школе!

— В общем, мы их ненавидим! — закончила Злата, её голос дрожал от сдерживаемого гнева.

— Хорошо, — медленно произнесла я, обдумывая план. Затем я посмотрела на Кейт. Она решительно вскинула подбородок:

— Я их тоже ненавижу! Они обижают тебя, а значит, и меня!

Я благодарно улыбнулась ей, чувствуя, как во мне крепнет уверенность .

Тогда план такой: Дэрок всегда остаётся самым последним в раздевалке и последним идёт в душ.

— Откуда я это знаю? — спросите вы.

— А мне рассказал один хороший человек, — хихикнула я, заговорщицки подмигнув.

Так вот, я прокрадусь в их раздевалку и заберу его штаны, пока он в душе, а взамен оставлю эту юбку, — я подняла с пола позабытую вещицу нашей Ли и покрутила её в руках.

— Кейт будет караулить дверь, чтобы никто лишний не зашёл. Если что — отвлечёт. А вы, девочки, — тут я перевела взгляд на Сали и Натали, — сходите в кабинет техно-

логии и одолжите пару гвоздей. Только тихо, чтобы не заметили! А то сразу на нас подумают, как найдут «сюрприз». И подготовьте бумагу с ручкой. Со всем готовым встретимся на заднем дворе, рядом с большим деревом, что стоит возле скамейки.

Девочки непонимающе переглянулись, потом Натали первой решилась:

— А зачем гвозди? И чем они помогут нам?

— Узнаете, — уверенно сказала я, стараясь сдержать улыбку. — Поверьте, будет очень весело! — добавила я с широкой, почти шальной улыбкой.

— Ладно, — хором согласились они, заражаясь моим азартом.

— Тогда за дело!

Мы дружно вышли из раздевалки. В коридоре царил редкая тишина — почти все уже отправились в столовую. Девочки поспешили выполнять поручение, а мы с Кейт направились к мужской раздевалке.

Когда мы подошли, оттуда как раз вышли наши одноклассники. Я остановила одного из них:

— Извини, подскажи, пожалуйста, а там ещё кто-то остался?

— А тебе зачем? — насторожился он, подозрительно прищурившись.

Я улыбнулась самой доброй и невинной улыбкой, на какую была способна:

— Да я ищу одного человека, никак найти не могу. Думаю, может, он в раздевалке ещё остался?

— Нет, там остался только Дэрок, — ответил он и, ничего не подозревая, зашагал со своим другом в сторону столовой.

— Хах, шикарно! — прошептала я Кейт. Она понимающе кивнула, глаза её загорелись азартом.

— А что дальше? — спросила она, чуть наклонившись ко мне.

— А дальше, — сказала я, прислоняя ухо к двери, — мы слушаем.

Шум воды из душа доносился приглушённо, но отчётливо. Я осторожно повернула ручку, приоткрыла дверь и шагнула внутрь. Кейт осталась на страже.

Я двигалась бесшумно, стараясь не задеть ни одной вещи. Прошла на середину раздевалки и огляделась: все шкафчики, кроме одного, были закрыты. Тот, что стоял приоткрытым, манил меня словно сокровище.

На цыпочках я подкралась к нему и заглянула внутрь: кофта, рюкзак, кроссовки... А вот и штаны — цель моего визита! Я уже потянулась к ним, как вдруг заметила рядом спортивные шорты.

— Чёрт, — тихо выругалась я. — Совсем не подумала, что придётся «одолжить» у него две вещи!

Быстро схватила и шорты, а взамен аккуратно положила юбку. Довольно улыбнулась, но тут же замерла: шум воды стих!

Не раздумывая ни секунды, я сгребла вещи в охапку и бросилась к выходу. Дверь громко хлопнула. Я схватила Кейт за руку, и мы помчались прочь — так быстро, что в ушах свистел ветер, а сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Остановились, только когда отбежали достаточно далеко. Я залилась безудержным смехом, а Кейт подхватила его — мы хохотали, пока не заболели бока, пока слёзы не покатились по щекам.

Отдышавшись, я запихнула наши добытые «сокровища» в сумку. Мы направились на задний двор.

Здесь обычно кипела жизнь: ученики читали, болтали, зависали в телефонах под деревьями или на скамейках. Но сейчас двор был пуст — и из-за промозглой осенней погоды, и потому, что все были на обеде.

У большого дерева нас уже ждали девочки. Они гордо продемонстрировали гвозди, а я достала наши «трофеи».

— А шорты зачем? — удивилась Сали.

Я виновато улыбнулась:

— Чтобы у него выбора не осталось: либо в трусах гулять, либо в оставленной юбке!

Они на мгновение замерли, а потом разразились хохотом. Я подобрала увесистый камень, взяла гвозди из рук Златы и с размаху вбила штаны в дерево. Сначала один край от штанов, а потом и второй. А сверху еще один и там записка, которую быстро набросала на листке:

Мы сбежали от своего хозяина, потому что он полный придурок.

Отошла на пару шагов, полюбовалась делом рук своих — получилось эффектно.

— А шорты куда? Гвоздей же больше не осталось! — спросила Злата.

— Потом дома повешу — будет трофеем! — рассмеялась я.

— А теперь пойдёмте все в столовую — посмотрим на концерт! — я развернулась с предвкушением, уже представляя лицо Дэрока, когда он обнаружит пропажу.

Глава 12

Дэрек

Я выключаю воду в душе — и в тот же миг слышу, как с глухим, резким хлопком захлопнулась дверь. Звук отдаётся эхом в пустой комнате, и по спине пробегает холодок, будто кто-то провёл ледяным пальцем вдоль позвоночника. Это более чем странно: я всегда остаюсь один, и все прекрасно знают — когда я в душе, входить нельзя. Этот негласный закон неукоснительно соблюдают все. Никто не рискует его нарушить.

Нет, дело вовсе не в стеснении. Причина — шрамы на моём теле, жестокий «подарок» от отца. Грубые, неровные линии, будто выжженные на коже. Они тянутся от плеча к рёбрам, пересекают живот — напоминание о каждом «уроке», который он мне преподавал. Если кто-то их увидит, начнутся лишние вопросы — а мне это ни к чему. Поэтому, уловив посторонний звук, я замираю, напрягаю слух, вслушиваюсь в тишину... Тишина. Только капли воды стекают с волос, разбиваясь о кафель с монотонным *кап-кап-кап*. Ни шороха, ни дыхания.

Успокоившись, я выхожу и внимательно осматриваю раздевалку. Пусто. Ни души. Помещение кажется непривычно

тихим и каким-то застывшим, словно время здесь замедлило ход. Воздух пахнет хлоркой и влажным деревом скамеек. Лучи вечернего солнца пробиваются сквозь матовое стекло окна, рисуя на полу размытые золотистые пятна. Но когда подхожу к своему шкафчику, сразу чувствую: что-то не так. Дверца чуть приоткрыта — я точно её закрывал. Распахиваю её — и замираю: внутри лежит то, чего я никак не ожидал увидеть, — женская юбка.

Недоумённо беру вещь двумя пальцами, разглядываю. Ткань мягкая, почти невесомая, контрастирует с грубой шершавостью моих шрамов. Лёгкий цветочный аромат — то ли от ткани, то ли от духов — щекочет ноздри. На бирке — вышитые инициалы: «Л. Д.» — Линет Девент. Хах, любопытно! Что за странные игры?

С кривой усмешкой откладываю юбку на скамейку, мысленно отмечая: «Девочка, похоже, совсем потеряла голову из-за меня, раз решила преподнести такой мне „подарок“». Мне иногда, конечно, девчонки дарили свои необычные „подарки“, по типу: лифчики или трусики, иногда просто обходилось записками, но от Линет я такого честного не ожидал. Начинаю осматривать остальные вещи — и тут меня ждёт новый сюрприз.

Ни штанов. Ни шорт. Ничего.

Улыбка мгновенно сходит с лица. Я с яростью переворачиваю содержимое шкафчика, перетряхиваю каждую вещь — но так и не нахожу того, что ищу. Вещи падают на пол,

вешалки звенят, ударяясь о стенку. Провожу рукой по мокрым волосам, лихорадочно перебираю в голове все возможные варианты. В висках стучит кровь, а в груди нарастает волна раздражения — горячей, колючей.

«Как бы Ли ни сошла с ума, она бы не решилась на такую шутку», — думаю я. Тогда кто?

И тут в памяти всплывает образ: маленькая девчонка с большими карими глазами, словно тёмный омут, затягивающий в себя. Её взгляд всегда такой открытый, честный — и оттого ещё более раздражающий. Помню, как она смотрела на меня тогда — не с обидой, а с какой-то тихой болью, будто я не просто толкнул её, а разбил что-то хрупкое внутри. Неужели эта «мышка» наконец-то отточила зубки?

Да, я заслужил это. Признаю: перегнул палку, когда обозвал её мусором и грубо оттолкнул. Но так было нужно. Она должна держаться от меня подальше — настолько далеко, чтобы даже мысль о чём-то ином не закралась в её голову.

Почему? Потому что эта малышка пробуждает во мне чувства, которых я не должен испытывать. Чувства, которые я годами учил себя подавлять. Тепло, которое разливается в груди, когда она рядом, — оно опасно. Потому что рядом со мной ей будет опасно — мой мир слишком жесток для таких, как она. Потому что мой отец никогда не примет её — и это лишь вершина айсберга причин.

Она должна меня ненавидеть. Именно поэтому я не могу оставить эту шалость безнаказанной. Нужно будет её про-

учить — но позже.

А сейчас... Сейчас я устрою ей представление — но не то что она рассчитывает , будет гораздо веселее , чем она могла бы себе представить . Я уже хочу увидеть её выражения лица .

Глава 13

Эллис

Мы с подружками зашли в нашу столовую — она состоит из двух помещений. Как только мы переступаем порог, нас встречает раздача. Здесь мы выбираем из аппетитных блюд то, что хочется, и тут же оплачиваем специальной школьной социальной картой.

Школа ежемесячно выделяет каждому ученику определённую сумму на питание — но только за хорошие оценки. Эта сумма — настоящий бонус за старания в учёбе! Если же оценки оставляют желать лучшего, родители сами переводят деньги на карту. Такая система стала отличным стимулом для ребят — и не зря: за последние годы школа заметно подняла свой образовательный рейтинг. К тому же это научило многих планировать расходы и ответственно относиться к учёбе: теперь перед контрольной все дружно повторяют темы, а не списывают наспех!

Выбрав еду, мы проходим в основной зал. Он встречает нас простором и уютной атмосферой. В помещении всего три больших стола — но они настолько вместительные, что за ними с комфортом умещается весь старший класс. К тому же младшие школьники обедают раньше, поэтому сей-

час здесь только старшекласники — можно спокойно пообщаться и поделиться новостями.

В центре зала величественно возвышается отдельный стол для учителей. По стенам — огромные окна с разноцветными стёклами, сквозь которые льётся мягкий цветной свет: то нежно-розовый, то лазурно-голубой, то золотистый. Этот причудливый узор на полу напоминает сказочные витражи и создаёт особое настроение.

С потолка свисают винтажные люстры: массивные, нарядные, с множеством сверкающих деталей — они добавляют помещению особого шарма и создают по-домашнему тёплую атмосферу. В воздухе витает аромат свежее испечённого хлеба и горячих супов, а где-то вдалеке слышится негромкий гул разговоров, звон вилок о тарелки и весёлый смех. Кто-то оживлённо обсуждает предстоящий концерт, кто-то делится впечатлениями от урока физики, а кто-то просто наслаждается обедом и минуткой отдыха между уроками.

Рядом с раздачей на стене висит большая доска с отзывами и предложениями — ученики могут оставить пожелания по меню. Недавно благодаря таким запискам в столовой появились вегетарианские блюда и смузи из свежих ягод, что сразу сделало обед ещё приятнее.

Мы пробрались на свободные места у окна и замерли в нетерпеливом ожидании — когда же появится наша «красавица» в юбочке? Воздух был наэлектризован: девочки рядом со мной буквально дрожали от предвкушения, их глаза горе-

ли любопытством, а я чувствовала, как внутри всё сжимается от смеси азарта и тревоги. Мы шептались, гадали, что он придумает на этот раз, строили догадки — и каждая версия была смешнее предыдущей. И нас не заставили ждать слишком долго... Только реальность оказалась совсем не такой, какой мы её себе представляли.

Вдруг дверь с оглушительным грохотом распахнулась настежь, эхом отдавшись по всему залу. В проёме, словно герой эпической сцены, возник наш долгожданный Дэрк. Он вошёл с высоко поднятой головой, с видом триумфатора, будто весь мир должен был склониться перед ним.

Но вместо ожидаемой юбки на нём было... белое махровое полотенце, небрежно обмотанное вокруг талии. Его торс был абсолютно голым, капли воды блестели на коже, будто он только что вышел из душа. На ногах — потрёпанные сланцы, а в руке он держал ту самую юбку, ради которой мы все здесь собрались. Чёрт возьми, он выглядел так, словно заблудился по пути из сауны в столовую!

Зал замер. На секунду воцарилась абсолютная тишина — такая густая, что её можно было потрогать. Все, от мала до велика, застыли в полном шоке. Я почувствовала, как кровь отливает от лица, а ладони становятся влажными. Мы с девочками переглянулись, не веря своим глазам. А потом началось: кто-то из парней оглушительно свистнул, девочки разразились восторженными криками, а учителя застыли с открытыми ртами, не в силах поверить в происходящее.

А он шёл. Шёл так, будто это не он, а все остальные были одеты неправильно. С каждым шагом его походка становилась всё более царственной, взгляд — всё более надменным. Он словно говорил всем своим видом: «Это вы здесь не в тему, а не я». Его губы кривились в едва заметной усмешке, а глаза сверкали вызовом.

Остановившись посреди зала, он медленно обвёл взглядом толпу — и вдруг его глаза встретились с моими. Я почувствовала, как кровь прилила к лицу. Сначала я действительно была в шоке, но постепенно шок сменился холодной яростью. Моё дыхание участилось, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Мой взгляд стал тяжёлым, острым, полным вызова. Я смотрела на него так, будто говорила без слов: «Ты перешёл черту. Ты бросил мне вызов — и я его принимаю. Да, это сделала я, и я не стану прятаться. Что ты теперь сделаешь?»

В этот момент я вспомнила, что мой сюрприз ещё не закончен. Губы сами растянулись в усмешке, а в глазах вспыхнуло злорадное удовлетворение. Медленно, нарочито демонстративно, я подняла палец вверх — будто ставлю ему высший балл за смелость. А затем, с нарочитым отвращением, опустила палец вниз и скривила лицо, изображая, что меня сейчас стошнит.

Его лицо на мгновение исказилось от раздражения — я буквально увидела, как в его глазах вспыхнула злость. Он резко развернулся и направился к своей «четвёрке» — ком-

паниии закадычных друзей, которые уже давились от смеха, прикрывая рты ладонями. Девочки рядом со мной сначала замерли в недоумении, а потом, уловив мой настрой, разразились звонким, заразительным смехом. Их смех подхватили другие, и зал наполнился волной веселья.

Именно в этот момент учителя, очнувшись от шока, вспомнили о своей миссии. Их голоса, полные праведного гнева, прорезали гул зала:

— Ты что себе позволяешь?! — прогремел голос завуча, его лицо побагровело от ярости.

— Это что за вид?! — подхватила учительница математики, её очки съехали на кончик носа от возмущения.

— Где форма?! А ну живо к директору! И живо убери это полотенце и приведи себя в порядок! — приказала директор школы, её голос дрожал от негодования, а руки сжались в кулаки.

Но Дэрок, похоже, услышал только последнюю фразу. С издевательской ухмылкой, растягивая слова, он громко, на весь зал, произнёс:

— Убрать полотенце? Хорошо!

И он снял полотенце. Просто снял — и остался стоять в одних боксерах, ничуть не смущаясь. Зал взорвался: кто-то хохотал до слёз, кто-то ахнул от изумления, кто-то даже захлопал в ладоши. Не обращая внимания на всеобщее смятение, он подошёл к столику, за которым сидели его друзья и... Линет. Резким движением он бросил ей юбку, а затем,

прежде чем кто-либо успел отреагировать, наклонился и поцеловал её — прямо в губы, у всех на глазах!

При этом он не отрывал взгляда от меня. Его глаза, холодные и пронзительные, словно говорили: «Видишь? Этот раунд — мой. Ты проиграла». В этом взгляде читался вызов, триумф, даже какое-то жестокое удовольствие от того, что он заставил меня почувствовать себя побеждённой. Его губы задержались на губах Линет дольше, чем требовалось, — нарочито, демонстративно.

Поцелуй длился невыносимо долго. А потом, так же внезапно, он отстранился, небрежно махнул рукой своим друзьям — и, сопровождаемый свистом, смехом и возмущёнными возгласами учителей, вышел из зала, оставив после себя вихрь эмоций и вопросов. В воздухе повисло ощущение чего-то незавершённого — словно это была лишь первая битва в долгой войне !

Глава 14

Эллис

С неясными, тревожными ощущениями мы отправились на уроки. Воздух будто сгустился вокруг, а каждый шаг отдавался в груди тяжёлым эхом сомнений. Впереди ждал урок географии. Девочки разошлись по своим классам, а мы с Кейт направились в наш — молча, будто боясь нарушить хрупкое равновесие момента.

— Слушай, у тебя точно всё хорошо? — осторожно спросила подруга, бросая на меня обеспокоенный взгляд. Её голос прозвучал чуть тише обычного, словно она боялась спугнуть что-то важное. — Почему Дэрок так резко на тебя взъелся? Да ещё и Линет ...А ещё Магнус просит встретиться. Нет, ты не думай — я всегда за тебя и всегда поддержу, что бы ни случилось. Просто... Это из-за того случая, когда ты заступилась за Мэттью? Или что-то ещё произошло?

Я вздохнула и с сомнением посмотрела на Кейт. Нет, я ей доверяю — даже больше, чем себе. Просто не знаю, нужно ли вообще об этом говорить. То, что произошло с Дэроком, казалось мне чем-то глубоко личным, сокровенным, будто

рана, которую лучше не трогать.

«Ох... Да я дура, настоящая дура, — пронеслось в голове, и сердце болезненно сжалось. — Из-за одного случая поверила, что он может быть не таким плохим, как кажется. Я понадеялась, что мы можем... ну, хотя бы стать друзьями. „Она просто подруга“, — так он говорил. А теперь что? Он целует её на глазах у всех!

Глубоко выдохнув, я подняла глаза на Кейт. В горле стоял ком, а слова давались с трудом:

— Знаешь, я, наверное, ещё не готова рассказать. Дай мне время. А потом, когда буду готова, мы сходим с тобой в кафе — в то самое, с большими окнами и ароматным капучино, — и там я тебе всё выложу, договорились?

— Хорошо, — ответила она не слишком уверенно и слегка нахмурилась. Но по её взгляду было ясно: она не обижена, просто искренне волнуется. В подтверждение моих мыслей Кейт добавила с тёплой улыбкой: — Знаешь, хоть ты сегодня и ведёшь себя как-то странно, всё равно было весело. И знай: я тебя очень люблю и всегда буду на твоей стороне!

— Спасибо большое, — я благодарно улыбнулась ей, и мы вошли в кабинет.

Внутри царил тишина. Пугающая, почти осязаемая тишина, от которой по спине пробежал холодок. Основная часть класса столпилась возле доски и внимательно рассматривала какой-то список. Ребята перешёптывались, хмурились, а кто-то даже тихо чертыхался. Прочитав его, они с возмущёнными возгласами отходили в сторону, обмениваясь многозначительными взглядами.

— Это ещё что такое? — недоумённо спросила я, обращаясь будто ко всем и ни к кому одновременно. Голос прозвучал чуть громче, чем я планировала, и все невольно обернулись.

Кто-то из мальчиков обернулся и бросил с досадой:

— Учитель решила над нами поиздеваться.

— Точно, — подхватил другой, нервно теребя край рубашки. — Это список групп, которые будут делать один проект и потом вместе его сдавать. От этого будет зависеть общая оценка. Только вот группы составляли вместе с параллельным классом — чтобы мы все стали дружнее! Ха! Дружнее?! Да я быстрее их всех закопаю в лесу и сам сделаю проект, чем стану общаться с этими...

— И поменять нельзя! Никак, — добавил кто-то ещё, с

силой ударив ладонью по парте. — Либо делаете вместе, сдаёте вместе и получаете одну оценку на всех, либо у всех пересдача и отработка.

Я уже перестала слушать, едва уловив суть проблемы. Кровь застучала в висках, а руки предательски задрожали. С трясущимися руками и ватными ногами я подошла к злополучному листку, заранее предчувствуя недоброе. Сердце замерло на секунду, а потом забилось чаще. Я вгляделась в строки — и внутри всё оборвалось: в моей группе оказались Лилит и Магнус!

«Ох, теперь мне ясно, что он хотел обсудить после занятий, — мелькнуло в голове. — Видимо, он уже знал об этом „сюрпризе“».

Но что делать с Линет ? Ума не приложу! Как мы будем работать вместе? В этот момент я почти была готова согласиться с тем парнем: проще тихо закопать их под кустиком и самой всё написать, чем пытаться сотрудничать с ними... А потом представить это как «экспериментальный метод групповой работы».

И как только я теперь с полным испорченным настроением нахожу свою парту и буквально сваливаюсь на стул , заходит Линет . Я громко выдыхаю и уже готовлюсь мысленно к её крикам и разборкам , что она такая бедная и несчастная не хочет со мной делать совместную работу , но какое

же было мое удивление , когда она подошла посмотрела на список , и после посмотрев на меня грустным взглядом , таким будто она сейчас расплчется , быстро отвела взгляд и после села отдельно от своих подруг ! И сидела спокойно и не кому не слова не сказала !

- это еще что такое , тоже непонимающе шепчет мне Кейт , я думала она начнет возмущаться и топтать своим ножками , как всегда это делает , а тут такое !

-я тоже , не знаю , но это к лучшему , может даже и сработаемся .

Я мечтательно подумала , как бы было хорошо , если бы она осталась такой спокойный , мы бы побыстрее бы сдали работу и я смог ла бы спокойно выдохнуть .

С мыслями , что мне нужно будет к ней подойти и позвать и её на разговор с Магнусом , чтобы мы смогли сразу распределить работу . Я и не заметила как прошли оставшиеся уроки.

Глава 15

Эллис

На улице уже стоял тёплый осенний вечер — тот самый, когда воздух становится прозрачным и чуть терпким, а последние лучи солнца золотят верхушки деревьев. Мы с Кейт сидели за последней партой возле окна. Оставалось всего пять минут — и можно идти домой...

Но у меня были другие планы. Нужно было как-то выхватить Линет, а потом ещё отыскать Магнуса. Я почему-то сразу не уточнила, где он будет ждать, да и сама ничего не сказала. Что ж, проблемы будем решать по мере необходимости.

А вот сейчас нарисовалась совсем другая проблема. Пока я витала в своих мыслях, глядя в окно, я и не заметила, как учитель зовёт меня уже в третий раз. Его голос, словно назойливый комар, пробивался сквозь пелену моих раздумий. Я бы и дальше не замечала, если бы не Кейт — она пихнула меня локтем так ощутимо, что я едва не подскочила на месте.

Опомнившись, что я всё ещё нахожусь в классе, на уроке, я резко повернулась к учителю. Передо мной стоял пожилой старичок невысокого роста, с большой седой бородой и растрёпанными седыми волосами. На носу — маленькие круглые очки, сползшие почти на самый кончик. На вид

— точь-в-точь Дед Мороз. Только по характеру — точно го-блин, которого держали взаперти и не кормили больше ста лет.

— Мисс, — его голос зазвучал с нарочитой строгостью, — вы, как я понимаю, уже позабыли, что находитесь на уроке, поэтому так беззаботно смотрите в окно. Но спешу вас рас-строить: вы сейчас на уроке — и не просто на уроке, а имен-но на моём! Мой предмет — самый важный! Он вам приго-дится не только на ближайшей контрольной, но и в жизни! Как вы можете спать на уроке изобразительного искусства?! Искусство — это жизнь! То, что окружает нас с самого дет-ства, находится с нами всю жизнь и проведёт в последний путь! Искусство — оно везде, там, где вы его не видите! Но если вы не будете спать на моих уроках и не смотреть в окно, то сможете распознавать малейшие детали прекрасного!

«Нет, вот только подумайте, какой же бред он несёт! — пронеслось у меня в голове. — Да, я понимаю: искусство по-могает развивать чувство прекрасного. Но не до такого же фанатизма! У нас экзамены на носу, а он со своими кусти-ками и деревьями: „Посмотрите, как искусно писатель пере-дал своё мнение благодаря тому, что он ветку написал не как обычно, а резко вправо!“ Это же ненормально!»

Сердце забилося быстрее — мне ещё сдавать у него рабо-ты, чёрт его дери... Я глубоко вздохнула, натянула на лицо свою фирменную улыбку — ту самую, которая обычно обез-оруживает любого — и, показав рукой на окно, сказала:

— Что вы, ни в коем случае я не пренебрегала вашими прекрасными наставлениями! Я как раз практиковала полученные знания от лучшего учителя. — Тут я услышала смешок из класса, но продолжила с полной уверенностью в голосе, чуть повысив тон: — Благодаря вам и вашим замечательным урокам я не смогла проигнорировать изящную картину, представшую перед нами за окном: этот удивительный закат, эти уникальные блики на листве... Каждый луч, отражаясь в каплях росы, создаёт неповторимую палитру оттенков! Данный момент был создан для того, чтобы человек запечатлел его в своей памяти, и проигнорировать это было бы великим преступлением. И всё это я увидела только благодаря вашим урокам и наставлениям.

Я замолчала. Учитель замер, его глаза расширились. Он посмотрел на меня, потом на окно, снова на меня, опять на окно — и так несколько раз, будто пытался уловить какой-то подвох. Его брови сошлись на переносице, губы поджались. Потом он громко откашлялся — и в этот момент, словно по волшебству, прозвенел звонок.

Но перед тем как уйти, он на весь класс торжественно произнёс:

— Вот видите, все берите пример с этой ученицы! Всем задание на дом — нарисовать закат! — После этих слов он стремительно выбежал из класса, чуть не зацепив дверью шкаф с красками.

Как только он ушёл, весь класс разразился хохотом.

Кто-то хлопал в ладоши, кто-то свистел, а голоса сливались в единый гул восхищения:

— Ну, молодец, как выкрутилась! Ох, додумалась же! А-ха-ха, он даже не знал, что ей ответить — его же оружием просто убила!

Я тоже рассмеялась, чувствуя, как напряжение последних минут покидает меня. Быстро собрав вещи, я уже собиралась идти, когда заметила уведомление на экране телефона. Открыв приложение, прочла: «Жду тебя на входе» — от Магнуса.

«Интересно, как он нашёл мою страничку?» — мелькнула мысль. Но я быстро ответила: «Я скоро буду, возможно, приду с Линет».

И тут же бросила взгляд на неё: Линет всё ещё сидела в классе, уставившись в одну точку. Её обычно горделивая осанка сейчас казалась какой-то поникшей, а взгляд — пустым. Что ж, не буду ходить вокруг да около. Я подошла к ней уверенной походкой, хотя внутри всё сжималось от неловкости. Вроде как я сама сказала не лезть ко мне, а теперь хочу с ней поговорить — неловко вышло. Но судьба, похоже, любит поглумиться: я переступила через свою немалую гордость — можно сказать, с усилием её придавив к полу — и сказала:

— Извини. Конечно, я понимаю, как это выглядит со стороны: сама тебе сказала не лезть ко мне, а теперь сама же подхожу. Но у нас совместная работа. Мы с Магнусом хотим

после занятий встретиться и всё обсудить — ну, я так думаю — кто за что будет отвечать. Ты не могла бы присоединиться?

Я уже готовилась к холодному отказу, к высокомерному «С чего бы? Да мне это не нужно, за всё мой папа заплатит...». Но Линет удивила меня: спокойно сказала «Хорошо» и посмотрела на меня — не с привычной насмешкой, а со стеклянными, будто застывшими глазами.

Я непонимающе взглянула на неё. Что же произошло с нашей «королевой»? Почему она не закатывает истерику, а соглашается учиться? И почему не общается со своими подругами? К слову, они уже давно ушли — как и остальные ученики. Кейт опять убежала на дополнительные занятия, а остальные после звонка сразу рванули по домам. Поэтому к этому времени мы остались одни в опустевшем классе — только шелест опавших листьев за окном да приглушённый гул города за стенами школы.

Прежде чем я успела подумать, слова сами сорвались с губ:

— Линет, у тебя что-то случилось? Всё хорошо? — Я посмотрела на неё уже без злости или пренебрежения — совсем другим взглядом, в котором теперь читалось искреннее сочувствие.

Она в ответ посмотрела мне в глаза, будто ища в них подвох: в её взгляде читались недоверие и сомнение. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Потом она вздох-

нула так тяжело, словно этот вздох копился в ней весь день, и, чуть не плача, сказала:

— Мой отец попал в аварию... Сейчас он в больнице... — Её голос дрогнул, и закрыла лицо руками, плечи затряслись от беззвучных рыданий.

Я ожидала услышать что угодно — но только не это. Слова Линет поразили меня до глубины души: я застыла от неожиданности, не зная, что делать и что говорить в такой ситуации. Воздух будто сгустился, а время на мгновение остановилось.

Но потом моё тело стало двигаться само по себе — интуитивно, без участия разума. Я схватила ближайший стул, придвинула его к Линет и присела рядом. А после крепко обняла её. Она не сопротивлялась, ничего не сказала — просто продолжала плакать, её плечи вздрагивали, а дыхание прерывалось судорожными всхлипами.

Я начала её успокаивать — тихо, мягко, почти шёпотом: — Всё будет хорошо, правда. Он поправится, вот увидишь. Главное, что он жив... С ним всё будет в порядке, и скоро он станет самым здоровым человеком на свете. Поверь мне, всё наладится.

Мы сидели так ещё минут десять. Я гладила её по спине, чувствуя, как постепенно затихают рыдания, как выравнивается дыхание. В классе царил тишина.

Наконец Линет перестала плакать. Я достала из сумки бутылку воды и салфетки, протянула ей. Она взяла их — уже не

судорожно, а спокойно, почти невозмутимо. Протёрла лицо, аккуратно сложила салфетку, сделала несколько глотков воды. Затем подняла глаза и посмотрела на меня — теперь уже ясным, осмысленным взглядом, будто только сейчас осознавая, с кем она находится и перед кем раскрыла душу.

В её глазах мелькнул испуг — словно она испугалась собственной уязвимости. Заметив это, я мягко покачала головой и тихо произнесла:

— Я никому не скажу. Ни о твоём отце, ни о том, что произошло сейчас. Обещаю.

— Ещё бы ты сказала, — ответила она своим обычным пренебрежительным и уверенным голосом, в котором, впрочем, уже не было прежней твёрдости.

Я будто не заметила этой попытки вернуть привычную маску. Вместо этого протянула руку и погладила её по голове, как маленького ребёнка, слегка взлохматив её светлые короткие волосы.

— Ты что творишь? — возмутилась она, но в голосе уже не было злости, только лёгкое недоумение.

— Ну вот, теперь узнаю нашу зазнайку-королеву, — улыбнулась я. — А теперь пойдём. Встретимся с Магнусом, обсудим всё, а потом ты поедешь домой. Хорошо?

Линет на мгновение замерла, потом слабо улыбнулась в ответ и кивнула.

Глава 16

Эллис

Линет вела себя крайне странно — была пугающе спокойной. Она тихо и молча следовала за мной, словно тень. Я же всё с некой жалостью поглядывала на неё, пытаясь прочесть что-то в этом застывшем лице. Между нами не стояло неловкой тишины — напротив, она казалась какой-то почти заботливой, будто сама атмосфера подбадривала нас не сдаваться. В один миг я даже уловила проблеск благодарности в её глазах — короткий, почти неуловимый. Но она тут же моргнула, и взгляд снова стал холодным, отстранённым, будто она витала где-то далеко, за пределами этой реальности.

Я слышала, что она любима в семье — долгожданная единственная дочь, наследница. Когда я говорила ей, что мои родители не беднее её, я слухавила. Нет, мы не бедные: отец занимает высокую должность в одной компании по строительству, мать — известная писательница. Но им двоим глубоко плевать на меня иногда они вообще забывают про моё существование, не говоря уже о том, что мне хоть иногда нужно давать деньги, а родители Линет... Её отец — высокопоставленный чиновник, а мать — знаменитая журна-

листка. И её любят ...

Говорили, что у них долго не получалось завести детей. И вот, наконец, появилась Линет — словно награда за годы ожидания. Теперь они окружают её любовью и заботой, балуют, выполняют все капризы. Возможно, именно поэтому она выросла такой... непростой.

Раньше, если бы я узнала, что Линет стала такой тихой и спокойной, я бы, наверно, позлорадствовала. Но сейчас, когда я знаю причину и вижу всё своими глазами, я не могу ей не сочувствовать. Хоть я и не знаю, что такое безусловная родительская любовь, но я знаю боль от потери близких — и не хочу, чтобы это испытывал кто-либо, даже мой враг. Поэтому я искренне надеюсь, что её отец поправится.

С этими мыслями мы вышли к выходу. Там уже стоял Магнус — молодой парень в очках. Высокий, с отличной спортивной фигурой: под облегающей чёрной рубашкой чётко проступали контуры пресса. Кудрявые чёрные волосы слегка вились, падая на лоб, а серые глаза смотрели внимательно, чуть насмешливо, словно он уже знал что-то, чего не знала я.

Когда мы подошли, он произнёс хриплым голосом, будто давно не говорил:

— Ну наконец-то! Я уж думал, вы никогда не выйдете!

— Прости, у нас случилась непредвиденная ситуация, — произнесла я.

— Хорошо, что вы пришли вместе. Вы же уже знаете о совместной работе по проекту? Я бы хотел всё обсудить.

— Да, я так и поняла. Мы могли бы сегодня сходить в нашу городскую библиотеку, взять нужные книги, разделить их между собой и распределить темы с вопросами. А после, как подготовимся, где-нибудь встретиться и всё вместе соединить.

— Да, было бы неплохо. Можно ещё создать совместный чат — там мы будем обсуждать поднимающиеся вопросы или помогать другим, если кто-то что-то не понимает.

Весь наш разговор Линет молчала. Я посмотрела на неё и мягко предложила:

— Хочешь, я сегодня схожу одна с Магнусом в библиотеку, а завтра принесу в школу твою часть книг? А ты, может, поедешь отдохнёшь? Или, может, в больницу съездишь?

— Нет, в больницу пока не пускают, но вот отдохнуть я бы, наверное, поехала. Извините, Магнус. У меня твой номер есть — я тебя напишу, а ты добавишь меня в группу. А сейчас я действительно поеду.

Она развернулась и ушла так же тихо, как и шла рядом со мной. На удивление, у обочины её уже ждал личный водитель. Что ж, похоже, она и не собиралась никуда идти... Но я, на удивление, её сейчас понимаю.

— Что это с ней? — спросил Магнус, глядя ей вслед.

— Да так... — протянула я. — Что ж, пошли в библиотеку, не будем задерживаться!

Я развернулась и зашагала вперёд. Магнус быстро нагнал меня. Сначала между нами повисла тишина, но он быстро её нарушил:

— Слушай, давай сначала зайдём в магазин и возьмём что-то перекусить?

— Хорошо, — улыбнулась я.

Когда мы почти вышли из школьного двора, моё внимание привлекла шумная толпа ребят — девочек и мальчиков,

— которые, перебивая друг друга, оживлённо что-то обсуждали. А если точнее — мой последний «подарок» для Дэрка.

— Вы видели штаны на дереве? Их кто-то прибил гвоздями, а сверху прикрепили листовку! — возбуждённо кричала одна из девочек.

— Ага-а, — тут же подхватил кто-то. — И там было написано: «Мы сбежали от своего хозяина, потому что он полный придурок!» А хозяин этих штанов кто? Конечно, Дэрк! Это он же сегодня полуголый бегал!

— Но почему он отдал юбку Линет? И ещё её поцеловал?

— Это, может, какая-то новая игра?

— А давайте мы тоже что-нибудь у него заберём и оставим что-то своё, а, девчонки? — вдруг вскрикнула одна.

Все остальные тут же загорелись этой идеей. А после, когда мы отошли подальше, я слышала, как они строят планы — как у него забрать вещи!

«Хах, интересно... Я открыла новый челлендж!» — про себя подумала я.

«Походу, благодаря одной девице, Дэрок будет искать свои вещи по всей школе», — злорадно улыбнулся Магнус.

Я посмотрела на него с долей страха: он знает, что это я? И, судя по его прямому и насмешливому взгляду, — да! Но откуда? Неужели Дэрок рассказал?

— Ты знаешь, да? — неуверенно пролепетала я.

— Что это ты и твои подружки? Конечно, знаю! Мимо меня не проходит ничего. Я знаю, конечно, не всё, но очень многое! — в его голосе звучала насмешка, без злобы или пренебрежения, но эта коварная улыбка и такие насмехающиеся глаза... Неужели он не будет защищать своего друга? Или он что-то задумал? Они же одна банда — один за всех...

— Откуда? Ты мне что-то сделаешь? — опять тихо, уже с полным ужасом, пролепетала я.

Я посмотрела на него — и теперь увидела не просто мальчика в очках, а мужчину, который намного выше меня, который однозначно сильнее меня. Мои ноги едва держали меня. Мы вмиг остановились и замерли уже на приличном расстоянии от школы, прямо на тротуаре. Мимо нас проходили прохожие и не обращали внимания на двух школьников.

«Интересно, если он сейчас меня ударит, кто-то из прохожих поможет? Или они дальше будут идти по своим важным делам? Если взять во внимание данного вопроса, социальные ролики, где мужчина якобы начинает издеваться над девушкой или как-то оскорблять... А прохожие только пройдут мимо, и очень редко кто останавливается. Но вместо того чтобы помочь, начинают снимать на телефон видео. Нет! В этом жестоком обществе, даже находясь в толпе, ты всё равно один!»

Когда же моё сердце забилося ещё быстрее, как у кролика после бега, я услышала тихий и робкий хохот. И в этот момент я поняла, что ошибалась на его счёт. Хоть он и выглядит пугающе, он не будет причинять мне вред — как минимум пока что.

— Ты считаешь, что я буду разбираться со всеми подружками Дэрока? Нет, этим пусть он сам занимается. Да и хоть ты и была нашей игрушкой на какое-то время... — он замолчал. — В общем, твоя шутка интересная, но с последствиями будешь уже разбираться ты сама с ним. А как узнал? Да легко — у меня есть доступ ко всем камерам школы, — и тут он мне подмигнул.

От шока я открыла рот, потом закрыла, потом снова от-

крыла и спросила:

— Как ко всем камерам? Откуда?

— А это уже секрет, куколка! — и он, напевая какую-то весёлую мелодию, начал идти дальше.

А я стояла в полном шоке. Из всего сказанного я поняла: по какой-то причине я теперь игрушка не всей банды, а только Дэрока; у Магнуса есть полный доступ ко всем камерам школы; и мне теперь нужно избегать Дэрока!

— Куколка, ну ты идёшь или нет? — окликнул меня Магнус.

Тут я опомнилась и поспешила вслед за ним.

— Почему «куколка»? — спросила я.

— А это тоже секрет! — снова улыбнулся он.

Я удивлённо посмотрела на него, но ничего не стала говорить.

После пяти минут ходьбы мы зашли в один магазинчик. Там было много всего интересного: готовая еда, аппараты

с газировкой, ларёк с огромным выбором мороженого, маленькие столики для гостей — где тут же можно разогреть еду, зарядить телефон и поесть. Мы разошлись с договорённостью, что встретимся на выходе.

У моего желудка бывает всего два режима: либо абсолютное равнодушие к еде, словно он взял бессрочный отпуск, либо дикий, неукротимый голод — в такие моменты я готова съесть слона, причём целиком и без гарнира. Сейчас как раз наступил второй вариант: желудок рычал, будто разбуженный медведь, а во рту уже скапливалась слюна при одной мысли о еде.

Я придирчиво оглядела витрины магазина. Взгляд скользил по полкам, оценивая каждый вариант. Наконец выбор пал на аппетитный большой горячий сэндвич — с румяной корочкой и заманчиво проступающими сквозь хлеб кусочками начинки, бутылку лимонада, от которой поднимался душистый пар, и набор со свежими порезанными фруктами — сочные дольки апельсина, гроздь винограда и несколько ломтиков киви манили своей яркостью и свежестью. Идеальное сочетание, чтобы утолить разыгравшийся аппетит!

Но когда я подошла к кассе, меня ждало испытание похлеще выбора еды — гигантская очередь, растянувшаяся почти до входа. Виной всему оказалась одна женщина, которая ни-

как не желала уходить. Она громогласно возмущалась из-за повышения цен, будто весь мир был обязан подстраиваться под её настроение:

— Две недели назад кефир стоил 70 #, а сейчас — 75 #! Откуда взялись эти 5 #? — кричала она таким тоном, будто бедный кассир лично устанавливал цены на все товары и специально сделал это назло именно ей.

Бедная девушка за кассой, бледная и растерянная, терпеливо пыталась объяснить, что цены от неё не зависят. Она повторяла одно и то же с ангельским терпением, но женщина была непреклонна. То ей цена не нравилась, то качество товара вызывало сомнения, то вдруг оказалось, что вкус у кефира «почему-то изменился и стал хуже, чем раньше». А люди стояли, молча наблюдали за этим спектаклем и не решались вмешаться — кто-то закатывал глаза, кто-то нервно поглядывал на часы, но все хранили молчание.

Я больше не могла это выносить. Злость и усталость накачивали волной, а тут ещё и заныла царапина на руке — та самая, которую я заметила после душа. Но я не стала обращать на неё внимания. Решительно шагнув вперёд, я громко и твёрдо сказала женщине:

— Вам уже всё объяснили по сто раз! Девочка за кассой

ничем вам не поможет. Если у вас есть претензии — обращайтесь к её руководству или на горячую линию, а не задерживайте остальных! Вы, может, никуда не спешите, но другие — спешат!

Толпа, которая до этого молча стояла и наблюдала, словно очнувшись от оцепенения. Мои слова послужили искрой: люди подхватили возмущение и тоже начали высказывать претензии крикунье. Кто-то добавил, что из-за неё все опаздывают, кто-то напомнил, что кассир тут ни при чём, а кто-то просто громко вздохнул с явным осуждением.

Она покраснела, словно спелый помидор, на мгновение замерла, будто не веря, что на неё обрушился такой шквал негодования, затем схватила свои пакеты и, не проронив больше ни слова, выбежала из магазина, чуть не задев дверь следующего покупателя.

А покупатели, которые только что были свидетелями этой сцены, дружно предложили пропустить меня вперёд — в знак благодарности за то, что я разрядила обстановку. Кто-то похлопал по плечу, кто-то одобрительно кивнул. Я искренне поблагодарила их, быстро оплатила покупки и вышла из магазина.

Но там я не встретила Магнуса. Это показалось мне очень

странным: я довольно долго выбирала еду, потом застряла в очереди... Время тянулось мучительно медленно, а его всё не было. Я была почти уверена, что его нет в магазине, но всё равно ощущала лёгкое недоумение — почему он не дождался меня?

Когда я уже хотела пойти в сторону библиотеки сама, вдруг услышала странный звук — глухой, прерывистый шум, напоминающий борьбу. Он доносился буквально из-за здания магазинчика, приглушённый стенами и расстоянием. Сердце ёкнуло. Не раздумывая ни секунды, я бросилась на звук.

Переулок открылся передо мной внезапно — узкий, грязный, зажатый между старыми обветшалыми зданиями с облупившейся штукатуркой. И в самом его центре развернулась ужасающая картина. Трое парней в чёрной одежде с капюшонами окружили Магнуса. Капюшоны скрывали их лица, но в позе каждого читалась угроза.

Бедный парень стоял на коленях, сгорбившись, словно пытался сжаться в комок. Его руки заломили и держали слишком высоко — из-за этого ему было невыносимо больно. Плечи дрожали, но он не издавал ни звука. Лицо Магнуса было в ссадинах и подтёках крови, одна бровь рассечена. Одежда — грязная, местами рваная, будто его уже таскали

по земле.

Второй бандит стоял напротив бедного паренька и что-то яростно шептал прямо ему в лицо — губы кривились в злобной усмешке. Из-за расстояния я не могла разобрать слов, но интонация была угрожающей, почти шипящей. Третий же стоял чуть в сторонке и, не замечая моего присутствия, ехидно улыбался, с наслаждением наблюдая за этим кошмаром. Его глаза блестели холодным, жестоким весельем.

По моим венам пробежал разряд ледяной ярости. Пусть я и не знала Магнуса толком, но никогда не потерплю насилия! В приютские годы я насмотрелась и натерпелась подобного сполна — эти воспоминания обожгли память, придав решимости.

В тот момент парень, который, видимо, задал какой-то вопрос Магнусу и не получил нужного ответа, с размаху ударил его кулаком в лицо. Голова Магнуса дёрнулась в сторону, он глухо застонал. А тот, кто держал его, взял арматуру из рук своего дружка и уже замахнулся, чтобы ударить мальчишку по ногам.

Я больше не могла просто стоять и смотреть на это. Время словно замедлилось. Крепче сжав бутылку лимонада, что была у меня в руках, я со всей силы запустила её прямо в

голову бандита с железякой.

И попала точно в цель! Парень, не ожидавший нападения, сначала застыл в нелепой позе с поднятой арматурой, а потом схватился за голову и выругался.

Не теряя ни секунды, я подбежала к тому, кто стоял в сторонке, и с разбега нанесла ему мощный удар ногой в колено. Он рухнул на землю с удивлённым возгласом, а я, не давая ему опомниться, прыгнула и с силой наступила на живот.

Добравшись до главного обидчика, я замахнулась и, буквально повторив его недавний жест, впечатала кулак в его лицо. Кость хрустнула под ударом, я отчётливо увидела, как кровь хлынула из его разбитого носа.

Но это не стало моей победой — напротив, парни наконец осознали, что они больше не одни, и начали приходить в себя после моих «подарочков». В глазах главаря вспыхнула ярость, он вытер кровь с лица и медленно повернулся ко мне...

— Ты кто, блять, такая?! — рявкнул он и сделал резкий шаг вперёд, нависая надо мной.

Я замерла. На миг даже дыхание перехватило от страха

— будто кто-то невидимый сжал горло. Руки подрагивали: не только от ужаса, но и от жгучей боли после удара. Царапина на руке снова горела, словно её прижгли раскалённым железом.

Но взгляд невольно метнулся в сторону Магнуса — и всё остальное вдруг стало неважным. Он лежал на холодном, грязном асфальте, забрызганный кровью, неподвижный, будто неживой. В груди что-то оборвалось — страх отступил, сменившись холодной решимостью.

Гордо выпрямившись, я подняла подбородок и чётко, почти насмешливо, произнесла:

— Как мне хотелось бы думать... Отстаньте от него и уходите — и тогда я сделаю вид, что вас не видела. И не стану давать показания полиции.

Мужчины замерли, явно не ожидая такого отпора. Секунда замешательства — и вот уже раскатистый смех разнёсся по переулку, эхом отражаясь от стен домов.

— Девочка, ты что, всерьёз решила, что можешь нами командовать? — прошипел один, прищурившись. — Лучше беги, пока мы хорошие. Сделаем вид, что тебя тут не было.

— Эта сука ударила меня бутылкой! — взревел другой,

сжимая кулаки. — Я не отпущу её просто так!

— А может, сначала развлечёмся? — хрипло рассмеялся третий, окидывая меня плотоядным взглядом. — Красивая девчонка. Наверняка и под одеждой ничего... Надо проверить.

— Замолчали! — громовой голос главного заставил всех умолкнуть. Он медленно приблизился, вглядываясь в моё лицо. — Ну что, малышка? Какой будет твой последний выбор?

Я только сейчас осознала, что оказалась в кольце. Они окружили меня — со всех сторон, отрезая пути к отступлению. Переулок, ещё минуту назад казавшийся просто тёмным и заброшенным, теперь превратился в ловушку. В ад.

«Что делать?!» — паника ледяной волной накрыла с головой. Ни души вокруг — помощи ждать неоткуда. Магнус всё ещё лежал без движения... А эти... Твари, они не остановятся.

Сглотнув ком в горле, я сделала глубокий вдох. И вдруг — странное ощущение. Будто внутри что-то щёлкнуло, пробуждая неведомую силу. Страх отступил, оставив место холодной ярости.

Встала в боевую стойку — колени чуть согнуты, кулаки сжаты, взгляд сосредоточен. Резкий взмах рукой — словно приглашение на смертельный танец.

— Ну, давайте! — бросила я с вызовом.

Они бросились одновременно. Но я была быстрее. Быстрее, чем когда-либо.

Кулак мелькнул у лица — я отклонилась в последний момент, почти чувствуя, как воздух дрогнул от удара. Ещё один — прыжок в сторону, разворот, короткий хук в живот противнику. Я двигалась, будто в танце: уклонялась, уворачивалась, контратаковала. Они гонялись за мной, как стая разъярённых псов, но я ускользала снова и снова.

Адреналин бурлил в крови, придавая сил. На секунду даже показалось, что я наслаждаюсь этим безумным танцем смерти.

И тут — резкий, жестокий удар в живот. Воздух вышибло из лёгких, перед глазами потемнело. Я отлетела к стене, ударилась спиной, едва не потеряв сознание.

Новый удар — ногой в бок. Затем ещё один — в лицо. Мир превратился в калейдоскоп боли: удары сыпались один

за другим — нога, рука, снова нога, снова лицо... Я упала на асфальт, чувствуя, как ломаются рёбра, как кровь струится по лицу.

Сквозь пелену боли я увидела Магнуса. Он очнулся — пытался подняться, помочь мне. В его глазах читались ужас и отчаяние. Он что-то кричал, но я не слышала — только видела, как его снова бьют, снова и снова...

«Нет. Так не закончится», — пронеслось в голове. Пусть я умру, но не одна.

Стиснув зубы, я медленно, цепляясь за стену, поднялась. Благо, они на минуту забыли про меня, но мне её было достаточно! Рука нащупала неподалёку кусок арматуры — холодный, тяжёлый, надёжный.

Резкий рывок — и я набросилась на ближайшего, обхватив его шею железом. Он захрипел, попытался вырваться, ударил меня в живот — но я лишь сильнее надавила железо.

Мы повалились на землю, сцепившись в смертельных объятиях. Он бился, хрипел, слабел...

И вдруг — выстрел. Грохот разорвал тишину, пуля пролетела в сантиметре от моего виска. От неожиданности хватка

ослабла — арматура выскользнула из рук, с лязгом упала на асфальт.

Парень отшатнулся, закашлялся, отполз в сторону. А я рухнула следом — на холодный асфальт, который уже казался почти родным.

Сознание ускользало. В ушах звенело. Я была уверена — это конец.

И тут сквозь шум в голове пробились голоса:
— Стоп! Не трогай её. Посмотри на её запястье...

«Что? Какое запястье?» — мысль мелькнула и угасла.

— Но этого же не может быть! Это невозможно!

— Не время разбираться. Пацана оставляем, её забираем.

Пусть босс сам решает.

А после мир погрузился во тьму. Я отключилась.

Глава 17

Начало новой жизни

Я проснулась от дикой, почти невыносимой боли в голове. Я попыталась открыть глаза, но один глаз совсем отказывался это сделать — мешала чёртова запекшаяся кровь.

Я уже хотела протянуть руки к лицу, но тут до меня дошло: я привязана к стулу. Мои руки крепко и туго стянуты какой-то тонкой верёвкой, которая врезалась в кожу, вызывая адскую боль.

Голова просто раскалывалась. Я абсолютно не могла понять, где, чёрт возьми, я нахожусь!

Внезапно я уловила едва слышный шорох совсем рядом. Сердце дрогнуло, и я медленно подняла голову.

В паре метров от меня стоял мужчина. Время словно замерло, позволяя мне в деталях разглядеть его облик. Тёмные, чуть растрёпанные волосы падали на лоб, обрамляя лицо, которое будто высекли из камня: резкие, выразительные скулы, прямой нос и пухлые губы.

Но больше всего притягивал его шрам — тонкий, едва заметный серебристый след, пересекающий левую бровь. Он не уродовал, а, напротив, придавал лицу загадочность, намекая на непростую историю, скрытую за этой внешней невозмутимостью.

На плече и предплечье извивалась татуировка — сложный узор, сплетённый из древних символов и завитков. Я не могла разглядеть детали, но от одного вида этих линий по спине пробежал холодок.

И всё же главным штрихом были его глаза. Чисто-голубые, словно кристаллический лёд в глубине арктического ледника, они сияли неземной красотой. В них читалась целая бездна — то ли затаённая боль, то ли непоколебимая сила. Его взгляд, пронзительный и одновременно тёплый, был устремлён прямо на меня, будто он видел не просто внешность, а самую суть — каждую скрытую мысль и эмоцию.

Я замерла, не в силах пошевелиться. В этот миг мир сузился до двух точек: его глаз и моего сбившегося дыхания. Что-то неуловимое витало между нами — словно невидимая нить, связывающая наши взгляды в безмолвном диалоге.

А после он произнёс:

— О-о-о, наша боевая малышка наконец-то проснулась,
— прозвучал тихий и хриплый голос мужчины.

— Где я? И кто ты такой? — попыталась я спросить у него без доли страха в голосе.

Хотя вышло у меня это скверно: мой голос звучал совсем по-другому — хриплым и мучительным. Меня мучила дикая жажда. Мои губы были пересохшими, а язык — шершавым и сухим, он отчаянно требовал воды.

И тут, будто услышав мои мысли, этот мужчина бросил:

— Кайл, принеси ей воды.

Тут я вдруг осознала, что в помещении находимся не только мы двое. Вокруг — ещё трое мужчин. Все как на подбор: строгие чёрные костюмы, белоснежные рубашки с идеально выглаженными воротниками. Каждый из них мог бы с лёгкостью сойти за модель — настолько безупречны были их черты и осанка. Если бы мне сейчас заявили, что я очутилась в элитном модельном агентстве, а голубоглазый красавец напротив — их главная звезда, я бы ни на секунду не усомнилась.

Но идиллию портили детали. Почти у каждого на лице виднелись свежие царапины — будто следы недавней схватки. А у одного из них нос явно был сломан: слегка искривлён, с подтёками крови у ноздрей.

Что-то в их облике казалось до боли знакомым... Но сосредоточиться не получалось — пульсирующая боль в голове размывала мысли, превращая попытки вспомнить в мутную, обрывочную мозаику образов.

Один из парней, взяв стакан с водой, направился в мою сторону. Зеленоглазый блондин возвысился передо мной — высокий, статный, с рельефной мускулатурой, от которой буквально веяло силой. Правильные черты лица, лёгкая небритость, придающая облику дерзкий шарм, и эти пронзительные зелёные глаза, в которых плясали загадочные огоньки. Одним словом — настоящий мачо.

Он медленно приблизился. В руке он держал стакан с водой, и каждый его шаг словно подчёркивал уверенность и властность. Не говоря ни слова, он протянул стакан ко мне — движение было плавным, почти ритуальным. Его взгляд не отрывался от меня, а в уголках рта затаилась едва уловимая полуулыбка. Но она не была доброй — она сочилась ядом. Ему я явно не нравилась!

В воздухе повисло незримое напряжение.

Но я, долго не думая, начала пить — да так жадно и с таким наслаждением! В этот момент мне казалось, что это самая вкусная вода на свете. Я полностью осушила стакан, не оставив ни капли. А после провела языком по своим пересохшим и потрескавшимся губам и повторила вопрос:

— Где я? И кто ты такой?

И тут за моей спиной раздался грубый и властный голос:

— Ты дома!

Когда я повернула голову — хоть это и было сложно из-за сильной боли в голове, — я увидела примерно в пяти метрах от себя взрослого мужчину. На вид я бы дала ему лет пятьдесят пять. Он был в чёрном солидном костюме, с чёрной тростью, на кончике которой красовалась фигурка дракона. Всё лицо в мелких и не очень шрамах, чёрные глаза, смотрящие прямо в душу, — словно сам дьявол пришёл за твоей жалкой душонкой. Короткие чёрные волосы с проседью.

При взгляде на этого человека хотелось убежать и спрятаться где угодно — главное, подальше от него. Я забыла, как дышать, мне стало невыносимо страшно. Рой мыслей вихрем

ворвался в мою голову, которая никак не хотела мне сейчас помогать.

«Где я? Что случилось? Кто эти люди? Меня убьют? Почему „дома“?» — проносилось в сознании.

«Так, нужно успокоиться! — приказала я сама себе. — Страхом и истерикой я себе не помогу!»

Я закрыла глаза — точнее, один глаз; второй так и не смогла открыть, — медленно посчитала про себя до десяти, потом выдохнула и открыла глаза. А после уже спокойно и уверенно сказала седовласому мужчине, который теперь стоял прямо напротив меня:

— Спасибо, конечно, за предложение, но у меня есть свой дом. В котором меня не привязывают к стулу, поэтому я, пожалуй, откажусь от вашего предложения. А теперь не могли бы вы меня развязать, и я, пожалуй, пойду к себе домой? — Последние слова я особо выделила тоном.

Мужчина, видимо, их самый главный — потому что ему почтительно поднесли стул, поклонились и так же молча подали чашечку кофе, когда тот сел, — расположился напротив меня и молча разглядывал мои травмы. Когда его взгляд остановился на разбитых коленях, он поднял глаза на меня, а

потом резко развернулся к голубоглазому, достал откуда-то пистолет и выстрелил в него!

Тот закричал пронзительным криком от боли, а я вместе с ним — от страха. Шум выстрела всё ещё стоял у меня в ушах. Голубоглазый держался за ногу; багровый оттенок проступил на его штанах, а после он выпрямился с таким выражением лица, будто сейчас ничего не произошло. Кровь стекала по его штанине, капли уже падали на серый бетон.

— Ты понял, за что это? — спросил тот самый «дьявол», который, похоже, действительно пришёл за чьей-то душой. И, возможно, следующей его жертвой стану я!

— Да, господин, — ответил уверенно парень.

Остальные стояли спокойно, будто такое они видят каждый день. Один даже сидел и с невозмутимым видом перелистывал книгу. «Ха, куда, чёрт возьми, я попала?! Да тут все психи!» — пронеслось у меня в голове.

«Так, что я помню? Вспоминай, ну же!» — мысленно приказала я себе.

Я вспомнила, как вышла из школы — с кем? С Магнусом! Хорошо. Дальше: мы пошли в библиотеку, потом зашли в

магазин, а потом — драка! Одного я ударила бутылкой — да, вон тот сейчас сидит с книгой, рыжий такой. Потом другого ударила в колено и прошлась по животу — это был блондинчик. А вот этого — парня с туго заплетёнными косичками — ударила в нос; да, вот у него сейчас как раз он разбит. А потом что? Потом эти ублюдки избili меня и Магнуса, а потом похитили! «Вот чёрт! Чёрт! А Магнус где?!»

— Так вот, Эллис, теперь это твой дом, — произнёс мужчина, — но давай сначала я тебе всё расскажу по порядку.

Я вздрогнула от своего имени. Пока я размышляла и вспоминала, что со мной происходило, я и не заметила, как «мистер Дьявол» уже обращался ко мне.

— Я уже сказала, что у меня есть свой дом! — твёрдо ответила я.

— Боюсь, что больше нет, — улыбнулся он мне так, будто уже забрал у меня и душу, и всё, что у меня было.

— Как это понять? — спросила я — вернее, выдавила из себя слова из-за страха. Он только что стрелял в человека! Что ему мешает прямо сейчас выстрелить в меня? Правильно — ничего!

— Видишь ли, это очень долгий разговор, но прежде чем мы с тобой к нему перейдём, я хочу, чтобы ты пообещала вести себя хорошо.

«Хах, чего? Он в своём уме?! Раз Развяжите меня, и я тут же сбегу!» — пронеслось у меня в голове.

— Тебе больше некуда бежать, — произнёс он, будто прочитав мои мысли, скучающим тоном. Вдобавок он ещё и кофе попивал, словно мы были хорошими друзьями, которые просто сидят за обедом и обсуждают обыденные вопросы — например, погоду.

Но сейчас мне нельзя было показывать свои эмоции — я должна выжить. Поэтому я спокойно спросила:

— Почему? У меня есть дом, где меня ждёт моя мама!

Тут он начал резко смеяться — так, что у меня встал ком в горле. Я думала, что до этого боялась, но сейчас моё сердце действительно упало в пятки.

А после он замолчал и снова холодным, властным тоном произнёс:

— У тебя нет матери. Точнее, это не твоя мать. Тебя за-

брали из приюта, когда тебе было семь. С тобой поиграли, как с игрушкой, а потом, когда надоела, забросили и благополучно забыли, как о ненужной вещи. А сейчас она вовсе продала тебя — передала все документы и все права на тебя всего за 200 тысяч.

Он сделал знак кому-то, и ему принесли документы. Мужчина показал свидетельство, где Мэри подписывала, что отказывается от меня и передаёт право опеки некому Николаусу Руссо.

— Это её подпись, в этом не может быть сомнений, — добавил он твёрдо.

— Да что тут творится?! — не выдержала я и закричала. — Кто вы такой? Какое право имеете? Откуда вы всё знаете? Откуда вы знаете её? А ну развяжите меня! Это всё подделка! Что вы хотите со мной сделать? Она не могла! Это незаконно, вообще всё это незаконно! Освободите меня сейчас же, и я не буду обращаться в полицию!

«Она не могла...» — этот вопрос я уже задавала больше себе.

Я понимала, что несу полный бред. Мои угрозы и крики явно не сработают — скорее всего, они только ухудшат си-

туацию. Но мои нервы не выдержали. Мне было страшно, больно, я не понимала, где я, что со мной будет и что замышляет этот дьявол. Всё это походило на кошмар — глупый, но страшный кошмар.

Не выдержав, я начала рыдать. Мои слёзы и всхлипы заполнили всё пространство. Стресс взял своё.

Через пелену отчаяния и страха я услышала, как этот дьявол приказал развязать меня и отправить в комнату. Я почувствовала, как верёвки ослабевают, как меня берут на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.